

3

Какая реальность стоит за «волнами Кондратьева»? Настоящие длинные циклы

А. С. Смирнов

В работе исследуются главные вопросы темы.

Показано, что истоки теории Н. Кондратьева находятся в работах М. И. Туган-Барановского, прежде всего в исследовании «Бумажные деньги и металл» (1917 г.). В нем Туган-Барановский выдвинул ошибочную гипотезу о соответствии больших циклов увеличенной модели циклов Жюгляра. Для Н. Кондратьева эта ошибочная гипотеза стала фундаментом и все статистические исследования подгонялись под эту гипотезу. Автор анализирует две модели циклов Жюгляра и показывает, что эти модели невозможно применить без грубых искажений к большим циклам.

Далее в исследовании показано, что большие волны конъюнктуры были присущи исключительно для XIX в., когда возникла аграрно-индустриальная экономика. Причем каждая отдельная волна имела одну главную причину. Повышательная волна 1789–1814 гг. была вызвана Наполеоновскими войнами, понижательная волна 1815–1849 гг. – индустриальной революцией, повышательная волна 1850–1873 гг. – открытием огромных запасов золота, понижательная волна 1874–1896 гг. – индустриализацией транспорта и падением цен на продукты земледелия.

Ни в XVIII в., когда почти полностью преобладала земледельческая экономика, ни в XX в., когда сформировалась индустриальная экономика, больших волн не было. Следовательно, присущие XIX в. большие волны конъюнктуры – явление не всеобщее, а уникальное. Уже период 1897–1920 гг. был не очередной повышательной волной, а началом «вековой инфляции», присущей почти всему XX в.

Но в исследовании показано, что большие конъюнктурные волны XIX в. тесно связаны с настоящими длинными циклами, которые состоят из трех циклов Жюгляра. Настоящие длинные циклы продолжаются и в XX в., и в XXI в., тогда как большие волны конъюнктуры присущи исключительно XIX в. (см. прим. 1)¹.

¹ Здесь и далее под примечаниями имеются в виду комментарии к соответствующим местам работы А. С. Смирнова в статье Л. Е. Гринина и А. В. Коротаева «В защиту Н. Д. Кондратьева. Постраничные комментарии к статье А. С. Смирнова». Прим. 1 соответственно находится на с. 170.

Ключевые слова: большие циклы Н. Кондратьева, конъюнктурные волны XIX в., циклы Жюгляра, аграрно-индустриальная экономика, «вековая инфляция» XX в., настоящие длинные циклы, короткие циклы (Жюгляра) роста, инноваций и сдвига.

Платон мне друг, но истина дороже.
Аристотель Стагирит

Таблицы длинных и коротких циклов XIX–XXI вв.²

Таблица I. 1816–1900. Период аграрно-индустриальный: становление индустриальной экономики. (Формирование индустриальных империй.)

<i>Длинные циклы</i>	циклы роста	циклы инноваций	циклы сдвига
1816–1848 г.	1816–1826 г.	1827–1837 г.	1838–1848 г.
1849–1873 г.	1849–1857 г.	1858–1866 г.	1867–1873 г.
1874–1900 г.	1874–1883 г.	1884–1892 г.	1893–1900 г.

Таблица II. 1901–1975. Период зрелости индустриальной экономики. (Борьба 3-х глобальных проектов.)

<i>Длинные циклы</i>	циклы роста	циклы инноваций	циклы сдвига
1901–1921 г.	1901–1907 г.	1908–1914 г.	1914–1921 г.
1922–1948 г.	1922–1930 г.	1931–1938 г.	1939–1948 г.
1949–1975 г.	1949–1958 г.	1959–1967 г. (70 г.)	1968–1975 г.

Таблица III. 1975 – ок. 2055 гг. Прогноз. Период трансформации индустриальной экономики в постиндустриальную. (Победа американского проекта и глобализация.)

<i>Длинные циклы</i>	циклы роста	циклы инноваций	циклы сдвига
1975–2001 г.	1975–1982 г.	1983–1991 г.	1992–2001 г.
2002 – ок. 2027 г.	2002–2009 г.	2010–2017 г.	2018–2027 г.
Ок. 2029–2055 г.	2028–2036 г.	2037–2045 г.	2046–2055 г.

I. Происхождение теории больших циклов конъюнктуры Н. Кондратьева

1. Возвращение теории Кондратьева в Россию: триумф или конец эволюции?

Теория больших циклов конъюнктуры, созданная Н. Кондратьевым в 1922–1928 гг., встретила в СССР жесткую идеологическую критику. Но научный уровень критики был также весьма высок. Закончилась деятельность Кондратьева-экономиста в СССР трагически, а его теория десятилетия замалчивалась, хотя на Западе получила широкую известность.

² См. прим. 2 на с. 170.

В конце 1980-х гг. в СССР, а затем в России произошло своего рода триумфальное возвращение трудов Кондратьева. Но теперь его теория пришла уже с Запада с немалым числом интерпретаций, и эта концепция была принята в России многими экономистами как откровение. При этом замалчивался тот факт, что и на Западе далеко не все считали теорию Кондратьева истиной в последней инстанции (Rothbart 1984). Она то вызывала интерес, как в 1970–1980-е, то почти исчезала из поля зрения экономистов, как в 1940–1960-е или 1990-е гг. (см. прим. 3 на с. 170).

Следует заметить, и у нас в ряде работ рубежа 1980–1990-х гг. теория циклов Кондратьева исследовалась достаточно объективно с рассмотрением едва ли не всех ее интерпретаций. Можно отметить работы С. Меншикова и Л. Клименко «Длинные волны в экономике» (1989), А. Полетаева и И. Савельевой «Циклы Кондратьева и развитие капитализма» (1993). А, например, профессор С. Губанов в 1999 г. и вовсе подверг сомнению ее научность (Губанов 1999).

И такая жесткая оценка имела основание в конце XX в. Многие прогнозы, которые следовали из теории больших циклов конъюнктуры, стали анахронизмом. А большинство критических замечаний оппонентов Кондратьева 20-х гг. XX в. выглядят сегодня еще весомее (см. прим. 4 на с. 171).

Поэтому вполне уместен вопрос: чем стало возвращение теории Кондратьева в Россию в конце XX в.: триумфом или концом эволюции?

2. Как возникла теория Н. Кондратьева? Циклы Жюгляра и Туган-Барановского как модель для циклов Н. Кондратьева

В основе теории Кондратьева лежит реальный факт конъюнктурных волн, охвативших конец XVIII, весь XIX и начало XX в. Неудивительно, что в 10–20-е гг. XX в. многие экономисты находились под «магией» больших конъюнктурных волн. О них писали социалисты А. Парвус и Я. Ван Гельдерен, А. Шпитгоф и Ж. Лескюр, М. Туган-Барановский, И. Фишер и др. Уже в начале 20-х гг. одновременно с Кондратьевым теорию больших циклов разрабатывал последователь Ван Гельдерена С. Де Вольф, который к тому же предположил, что длинные волны состоят из коротких циклов³.

Разными экономистами назывались несколько отличающиеся даты. Неудивительно, что и у Кондратьева в разных работах конъюнктурные периоды не полностью совпадали. В работе «Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны» (1922 г.) повышательная волна, начавшаяся в 1789 г., заканчивалась 1809 г., в других работах – в 1814 г.

³ Речь, вероятно, идет о следующей работе: De Wolff, S. Prosperitäts- und Depressionsperioden. *Der Lebendige Marxismus* / Hrsg. O. Janssen, pp. 13–43. Jena: Thuringer Verlagsanstalt, 1924. – Прим. отв. ред.

Затем следовала понижательная волна 1810–1849 гг., повышательная 1850–1873 гг., понижательная 1873–1896 гг. и, наконец, повышательная 1896–1920 гг. (см. прим. 5 на с. 171).

Табл. 1. Циклы по де Вольфу

	Начало	Продолжительность	Окончание
1-й цикл. Понижательная фаза	1825	$10 + 10 + 5 = 25$	1850
2-й цикл. Повышательная фаза	1850	$5 + 9 + 9 = 23$	1873
2-й цикл. Понижательная фаза	1873	$9 + 8 + 4 = 21$	1894
3-й цикл. Повышательная фаза	1894	$4 + 8 + 7 = 19$	1913

При этом Кондратьев начинал исследования под сильным влиянием работ его научного руководителя М. И. Туган-Барановского, авторитетного специалиста по промышленным 7–11 летним циклам, обычно называемым сегодня циклами Жюгляра (Туган-Барановский 1914). Вот как Туган-Барановский представлял конъюнктуру этих циклов: «Колебания эти находятся в связи с тем характерным явлением капиталистического строя, которое было названо автором этой книги промышленным циклом. В восходящем фазисе промышленного цикла товарные цены растут, затем следует кризис, и цены начинают падать, чем характеризуется нисходящий фазис промышленного цикла» (Он же 1997: 336) (см. прим. 6 на с. 171).

В начале XX в. Туган-Барановский и близкий ему по взглядам исследователь циклов Жюгляра Ж. Лескюр обратили внимание и на присутствие длинных колебаний конъюнктуры.

«Наряду с обычными колебаниями цены на товарном рынке, существуют и более продолжительные периоды поднятия и падения цен, благоприятной и неблагоприятной конъюнктуры. Вторая четверть этого века была периодом падения товарных цен, вследствие неблагоприятных условий международной торговли, а период 1850–1873 гг. был временем благоприятной конъюнктуры» (Туган-Барановский 2004: 76) (см. прим. 7 на с. 172).

Мысль Туган-Барановского продолжает Лескюр: «...экономическая история этого времени (с 1874 по 1895 г. – А. С.) раскрывает перед нами в высшей степени интересное явление: существование более обширных движений, более крупных волн повышения, чем те, которые составляют специальный и исключительный предмет настоящего исследования» (Лескюр 1908: 156) (см. прим. 8 на с. 172).

В работе «Бумажные деньги и металл» Туган-Барановский приравнял конъюнктуру в коротких и больших циклах: «...обширные периоды падения и подъема ценности денег должны быть объяснимы так же, как мы объясняем более короткие периоды волнообразных колебаний ценности денег, охватывающие приблизительно десятилетие. Правда, следует признать, что более обширные периоды подъема и упадка денеж-

ных цен изучены наукой гораздо менее, чем более короткие циклические колебания. Тут перед экономистом открывается новая, еще не исследованная наукой, область. Но все заставляет думать, что и в этой области действуют те же реальные силы, механизм которых нам ясен в применении к фазисам промышленного цикла» (Туган-Барановский 1997: 338).

Таким образом, Туган-Барановский, будучи одним из крупнейших экономистов начала XX в. и научным наставником Кондратьева, передавал эстафету в исследовании цикличности, но уже не циклов Жюгляра, а более продолжительных циклических колебаний. Заметим, что через 2 года после написания работы «Бумажные деньги и металл» экономист умер (см. прим. 9 на с. 173).

Туган-Барановский не только обратил внимание на «продолжительные периоды» «благоприятной и неблагоприятной конъюнктуры», но и называл их время: вторую четверть XIX в. и 1850–1873 гг. А в работе 1917 г. он назвал и два других периода: 2 десятилетия высоких цен перед войной и 2 десятилетия низких цен конца XIX в. Следовательно, Туган-Барановский так видел периодизацию «более обширных периодов»: 1825–1850 гг., 1850–1873 гг., 1873 – ок. 1896 гг., 1896–1917 гг. (см. прим. 10 на с. 178).

Поэтому неудивительно, что уже в 1922 г. в конце работы «Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны» Кондратьев начинает исследовать процессы цикличности, причем малую и большую цикличность во взаимосвязи. Таким образом, *Кондратьев принял эстафету в исследованиях цикличности, а заодно и взял метод перенесения циклической модели из циклов Жюгляра на большие волны конъюнктуры* (см. прим. 11 на с. 182).

Но как же объяснял Туган-Барановский возможные причины больших циклов? Фактически никак! «Изменением конъюнктуры товарного рынка», то есть конъюнктуру он объяснял конъюнктурой! «Понимая этот механизм, мы можем объяснить и колебания ценности денег в более продолжительные периоды времени. От чего, например, зависел подъем товарных цен в последние два десятилетия, являющихся периодом резко выраженного вздорожания жизни, в то время как два предыдущих десятилетия характеризовались, наоборот, низкими ценами? От именения конъюнктуры товарного рынка» (Туган-Барановский 1997: 338). Очевидно, «последними» и «предшествующими» «двумя десятилетиями» у Туган-Барановского были 1896–1916 гг. и 1874–1896 гг. соответственно.

Фактически оставалось объединить эти два периода в один большой цикл (см. прим. 12 на с. 182). Но в своих построениях Туган-Барановский допустил серьезную неточность. Точнее, реальная эволюция индустриальной экономики не вписывалась в его схемы. Вопреки теоретической модели его малого цикла, где сначала шел «восходящий фазис», а затем кризис и «нисходящий фазис», у Туган-Барановского первым шел период

«низких цен» 1874–1896 гг. То же касается его работы по циклам Англии, где «нисходящий фазис» 1825–1849 гг. шел первым, а «восходящий фазис» 1850–1873 гг. – вторым. Как мы видели, и Де Вольф, разрабатывая теорию больших циклов, считал их началом 1825 г. и, соответственно, первой нисходящую фазу 1825–1850 гг.

Потому в больших циклах конъюнктуры Кондратьев поставил сначала повышательную волну, а затем сменявшую ее понижательную, исправив этим серьезные неточности, допущенные Туган-Барановским. И большой цикл действительно приобретал вид увеличенной копии цикла Жюгьяра. Но для этого Н. Кондратьеву пришлось включить в систему длинных циклов период 1789–1814 гг. с его военно-инфляционной конъюнктурой. Если бы этот период имел понижательную конъюнктуру, то Н. Кондратьев просто начал бы исследование с 1815 или 1825 г.

Здесь очевиден факт произвола со стороны исследователя, который меняет временные контуры большого цикла по своему усмотрению. Это мы и видим у Туган-Барановского, де Вольфа и Кондратьева. Так, путем простого перенесения модели 7–11 летних циклов Жюгьяра были созданы большие циклы из конъюнктурных волн (см. прим. 13 на с. 183).

Но сама гипотеза Туган-Барановского, высказанная им в «Бумажных деньгах и металле», о подобии модели 7–11-летних и модели больших циклов принципиально ошибочна. Соответственно и теория Кондратьева изначально строилась на ошибочном основании. Тем более что дальнейшие исследования Кондратьева подгонялись под эту схему (см. прим. 14 на с. 186).

В связи с выявленной особой важностью данного вопроса рассмотрим 7–11-летние циклы Жюгьяра более детально.

3. Две абстрактные схемы циклов Жюгьяра и место в них фазы кризиса

Прежде чем рассмотреть, какую модель циклов Кондратьев использовал по гипотезе Туган-Барановского, заметим: этот факт был ясен оппонентам Кондратьева в 1920-е гг. Уже в работе «Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны» было немало ссылок на Туган-Барановского, в том числе на «Бумажные деньги и металлы». В дискуссии 1926 г. оппонент Кондратьева Опарин считал: «Еще менее основательной является концепция проф. Кондратьева, переносящего представления проф. Туган-Барановского со средних циклов на большие. Если бы даже теория Туган-Барановского была верна в отношении средних циклов, она совершенно не применима к большим циклам» (Кондратьев 1989: 279).

А вот замечание М. Спектатора. «Точка зрения Кондратьева на кризисы – это точка зрения Туган-Барановского. Но он не сумел связать боль-

шие циклы даже с этой теорией» (Кондратьев 1989: 299). Еще конкретнее был С. Фалькнер. «Мысль его, теория его, правильно сформулированная, это ничто иное, как перенесение теории обычных капиталистических циклов Туган-Барановского на явления больших волн в мировом движении цен» (Там же: 308). И Фалькнер цитировал «Бумажные деньги и металл» (см. прим. 15 на с. 187).

Но дальше критических замечаний оппоненты Н. Кондратьева не шли. Хотя факт использования Кондратьевым модели циклов Туган-Барановского для больших циклов еще не означал, что это была ошибка. Еще нужно было доказать, что модель циклов Жюгляра не может быть перенесена на большие циклы. Именно это автор и делает, продолжив критический анализ (см. прим. 16 на с. 192). Поэтому рассмотрим, что представляют собой циклы Жюгляра.

Под ними обычно подразумевают 7–11-летние циклы, которые Туган-Барановский называл промышленными, Кондратьев – то «малыми» (1922 г.), то «средними» (1925 г.), то снова «малыми» – в работе по динамике цен 1928 г. Эти же циклы у советских экономистов назывались «промышленными периодическими». Типичный пример подобного подхода можно найти в труде Л. Мендельсона (1959–1964) (см. прим. 17 на с. 194).

Термин «циклы Жюгляра» использовал Й. Шумпетер в работе «Деловые циклы». Парадоксально, что они не совпадали с 7–11-летними. **Автор использует этот термин для краткости и однозначности.** Сегодня широко используется термин «деловой цикл», который только отчасти может заменить циклы Жюгляра. Еще в 20-е гг. XX в. У. Митчелл в исследовании «Экономические циклы» подверг сомнению наличие циклов Жюгляра. Но его аргументы неубедительны и даже ненаучны.

Так, об экономистах, изучавших циклы XIX в., под которыми подразумевались сам Жюгляр и Джевонс, он писал: «Находясь под впечатлением таких денежных кризисов, как 1815, 1825, 1836, 1847, 1857 и 1866 гг., они склонны были устанавливать “периодичность кризисов”» (Митчелл 1930: 395). Но приведенные даты кризисов – не голая теория, но и статистика важнейших фактов экономической жизни. Их разделяли периоды около 10 лет! Так почему их нельзя было назвать периодическими?

Митчелл нападал и на экономистов XX в. за такое же признание периодичности. «Туган-Барановский считает, что периодичность цикла колеблется в границах между 7–11 годами, Бунятян говорит, что при “нормальных условиях” цикл продолжается от 9 до 11 лет, <...> Кассель считает 1873, 1882, 1890, 1907 гг. за годы кризисов в Европе и 1873, 1882, 1893, 1903, 1907 гг. в США <...> и средняя 8,5 лет. Левингтон принимает среднюю продолжительность цикла 8 лет» (Там же: 396).

Даже Пигу считал, что средняя продолжительность цикла 8 лет. Таким образом, крупнейшие экономисты XIX – первой половины XX в. признавали периодические циклы.

Но с развертыванием в 1920-е гг. работы Национального бюро экономических исследований США во главе с У. Митчеллом исследования цикличности приняли эмпирический характер и превращались в статистику. Теоретические представления о циклах Жюгляра были отброшены и заменены «деловыми циклами». Митчелл подчеркивал: «Наши измерения продолжительности экономических циклов основываются исключительно на интервалах между рецессиями» (Митчелл 1930: 435). **Таким образом, периодические циклы Жюгляра 7–11-летней продолжительности Митчелл подменил неопределенными 3–4-летними циклами, отвергая их вхождение в более длинные.** Также исчезал важнейший вопрос о времени начала цикличности, о границе индустриальной и доиндустриальной экономики. Таким образом, анализ Митчелла был вне времени и вне качественных циклических и структурных сдвигов. Это были просто ряды цифр. Кондратьев испытал влияние этой методики (см. прим. 18 на с. 195).

Но сегодня факт наличия циклов Жюгляра трудно оспорить. Например, современный кризис 2008–2009 гг. вполне схож с циклическими процессами начала XIX в. Со времени, когда политические потрясения стали ослабевать, с середины 70-х гг. XX в. циклы Жюгляра проявились со всей определенностью. Очевидно, основной причиной, уменьшившей влияние политических процессов на циклы, стала глобализация. Причем не только в экономике США как циклического лидера, но и во всей глобальной экономике. На рисунке представлена динамика мирового ВВП по данным Мирового банка (прим. 19 на с. 196).

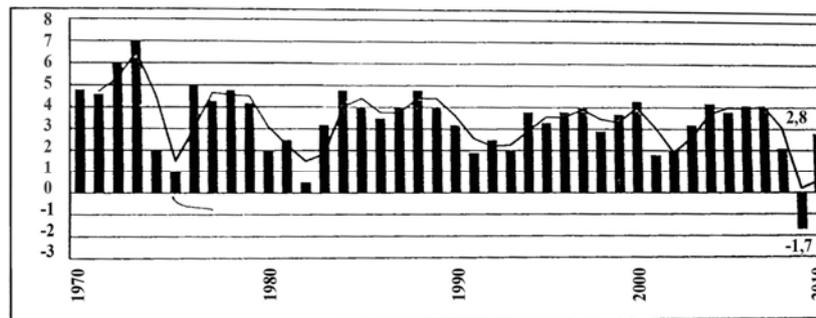

Рис. 1. Динамика мирового ВВП (по данным Мирового банка). В динамике мирового хозяйства за последние 40 лет совершенно однозначно выделяются циклы Жюгляра 1975–1982 гг., 1983–1991 гг., 1992–2001 гг. и 2002–2009 гг.

Экономика США почти в точности повторяет динамику циклов мировой экономики. Важно отметить, что циклы Жюгляра в последние 40–50 лет, как и в XIX в., снова приобрели яркий характер периодичности. Причиной усиления периодичности, наряду с глобализацией, было огромное ускорение перемещения информации, резко снизившее товарные запасы, бывшие причиной проявления 2–3-летних спадов внутри циклов Жюгляра.

Но и все значимые кризисы XX в. вполне можно поставить в ряд циклов Жюгляра. Например, кризис 1929 г., завершивший цикл 1922–1930 гг. и начавший Великую депрессию, или кризис 1974–1975 гг., завершивший не только цикл 1968–1975 гг., но всю индустриальную эпоху. Й. Шумпетер, говоря о XIX в., так оценивал циклы Жюгляра: «Одним из наиболее важных и <...> по-настоящему самобытных достижений рассматриваемого периода было открытие и первичный анализ экономических циклов. Кризисы 1815, 1825, 1836–1839, 1848–1849, 1859 и 1876 гг. поставили этот феномен в центр внимания даже наиболее академических экономистов» (Шумпетер 2004: 972).

Заметим, что и Кондратьев в работе «Динамика цен промышленных и сельскохозяйственных товаров» (1928 г.) называл «классическими» циклические кризисы 1825 г., 1837 г., 1847 г., 1857 г., 1866 г., 1873 г., 1883 г., 1900 г. и 1907 г.» (Кондратьев 2002).

Но несмотря на 150-летнюю историю изучения циклов Жюгляра, их сущность до конца не выяснена и сегодня. Дискуссионным остается вопрос не только о причинах и длительности этих циклов, но также о том, какая из фаз этих циклов является начальной (см. прим. 20 на с. 197). Общей причиной циклов Жюгляра является несовпадение производства и потребления в индустриальной рыночной экономике и нарастание структурных и стоимостных диспропорций по мере развертывания циклов.

Это несоответствие проявляется в углублении несовпадения спроса и предложения. Росту диспропорций способствует эффект мультипликатора в отраслях, напрямую не связанных с личным потреблением. Это еще в XIX в. вызвало формирование кредитной экономики. Кредитно-финансовая система в ходе цикла Жюгляра за счет роста денежных суррогатов, депозитов и орудий кредита некоторое время скрывает структурные диспропорции, однако уже в фазе подъема они становятся непреодолимыми.

Наконец, наступает момент, когда уже сама кредитно-финансовая система теряет способность сглаживать структурные диспропорции. Начинается и нарастает цепь неплатежей и банкротств⁴, знаменующая на-

⁴ Но наибольшее число банкротств обычно приходится на период после кризиса – *Прим. отв. ред.*

ступление экономического кризиса (рецессии). Типичнейшим примером был последний цикл 2002–2009 гг. и завершивший его кризис 2008–2009 гг.

Эта простейшая схема развертывания цикла существенно корректируется в зависимости от типа циклов Жюгляра. Так, для циклов инноваций характерно меньшее влияние кредитно-финансовой сферы, а для циклов роста, к которым относится и цикл 2002–2009 гг., влияние кредитно-финансовых инструментов играет особенно важную роль. Для циклов сдвига большое значение имеет пространственное расширение рынков сбыта (см. прим. 21 на с. 197).

Но решающим фактором является динамика производительности труда, различная в разных типах циклов. Она оказывает огромное влияние на динамику цен, а через цены – на смену циклической конъюнктуры. Причем производительность труда перестает расти уже в фазе подъема. Как следствие, растут цены, вызывая кризис (см. прим. 22 на с. 198).

Кроме вопроса о механизме развертывания циклов Жюгляра большое значение имеет определение их начальной фазы. Здесь существует два основных мнения. Первое, раннее (мнение самого Жюгляра), ставит кризис в центре цикла. Жюгляр считал, что между «тремя периодами – расцвета, кризиса и ликвидации, которые всегда в том же порядке следуют друг за другом», существует именно такая последовательность⁵. Оказывалось, что в начале цикла была фаза расцвета (подъема). Это мнение сложилось в XIX в., когда именно кризисы вызывали наибольший интерес. Эту точку зрения разделял и Туган-Барановский. Но и его схема «восходящий фазис – кризис – нисходящий фазис» не отражала всего цикла и упрощала его. Кризис представлялся не фазой цикла, а точкой перелома конъюнктуры, тогда как фаза кризиса приходилась на весь «нисходящий фазис» (см. прим. 23 на с. 198). Если поставить кризис в центр, то в целом цикл мог выглядеть таким образом.

⁵ «Nous avons indiqué d'une manière générale la succession des périodes prospères, des crises et des liquidations» (Juglar 1862: 164; русский перевод: «В общем, мы выделили последовательность периодов процветания, кризисов и ликвидаций»). Представляется, что первую фазу лучше назвать по-русски фазой процветания, а не расцвета. Что касается фазы ликвидации, то такой перевод допустим, но, возможно, более точно было бы назвать его фазой банкротств или разорения, как сделали переводчики книги Шумпетера (2004, т. 3: 1478), либо, как предлагает Ш. Ларю (Larue Ch. Les cycles de Juglar ou «cycles des affaires». *Les yeux du monde*, 14 juillet 2010. URL: <http://les-yeux-du-monde.fr/ressources/1333-les-cycles-de-juglar-ou-%C2%AB-cycles-des-affaires-%C2%BB>), фазой ликвидации или оздоровления (une phase de liquidation ou d'assainissement). – Прим. отв. ред.

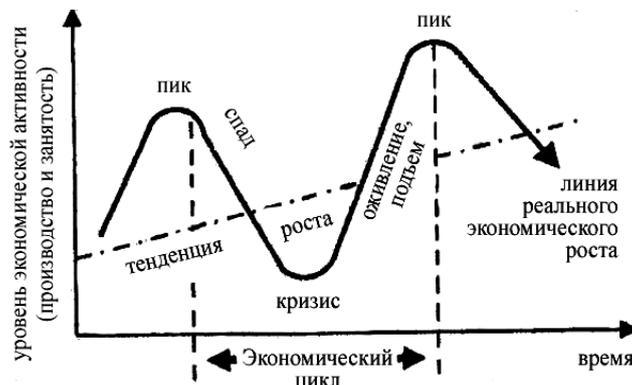

Рис. 2. Схема цикла Жюгляра с кризисом как центральной фазой⁶

Однако по мере осознания факта, что кризис – лишь фаза цикла, значительная часть экономистов признавала, что кризисы завершали циклы Жюгляра (см. прим. 25 на с. 199). Причем кризисы могли длиться не только месяцы, но даже годы. Например, знаменитый крах Нью-Йоркской фондовой биржи в октябре 1929 г. был лишь началом фазы кризиса, которая продолжалась весь 1930 и 1931 гг., а в США и Германии даже до весны 1933 г. Смехотворно утверждать, что кризис был лишь в октябре 1929 г., а уже ноябре 1929 г. он закончился. Последний периодический кризис 2008–2009 гг. также продолжался не один и не два дня, а почти год – с осени 2008 до осени 2009 г. Понятно, что на графике фаза кризиса должна изображаться не точкой, а весьма протяженной падающей прямой.

Более того, между концом подъема и началом фазы кризиса некоторое время может наблюдаться застой или спад. Например, уже в мае-апреле 1929 г. экономический подъем прекратился, но кризис начался только в октябре.

В этом отношении показательно определение термина «кризис» Г. Хаберлером, осуществившим обширное исследование причин циклов в 30–40-х гг. XX в. «Термин “кризис” имеет два значения. С точки зрения теории экономического цикла, в специальном смысле, он означает поворотный пункт от процветания к депрессии. В общепринятом смысле <...> он означает состояние острого финансового напряжения, панику, натиск на банки, отлив золота, банкротства и т. д. “Кризис” в специальном смысле, то есть поворот от процветания к депрессии, обычно (но не всегда) сопровождается острым “кризисом” в общепринятом смысле» (Хаберлер 2008: 212). С одной стороны, Хаберлер совершенно однозначно считал кризис поворотным пунктом в цикле, даже выделял «специальное»

⁶ См. прим. 24 на с. 198.

и «общепринятое» понимание кризиса. Но с другой, он до конца не осознал того факта, что кризис – это не точка перелома конъюнктуры, а целая фаза цикла, продолжающаяся много месяцев. Отсюда происходит и смешение фаз кризиса и депрессии.

Именно кризис есть та фаза в цикле, в которой ломаются возникшие в ходе подъема диспропорции, как в реальном ее секторе, так и в кредитно-финансовом. Сменившая кризис депрессия означает переход в новое состояние экономики. Таким образом, циклы Жюгляра начинаются с депрессии, когда хозяйственные диспропорции слабеют, и через оживление цикл переходит в подъем. Такая схема циклов Жюгляра абстрактна. Как мы увидим, циклы Жюгляра делятся на циклы роста, инноваций и сдвига со своими особенностями (см. прим. 26 на с. 199).

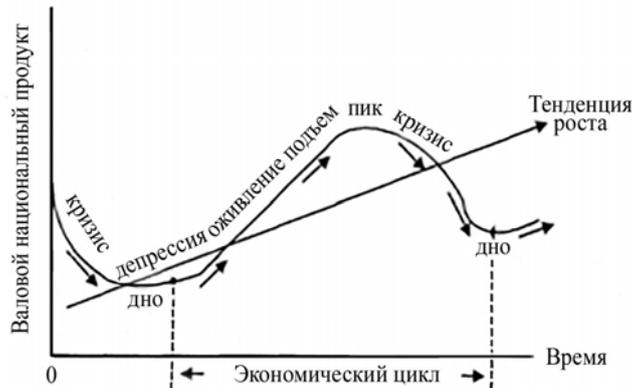

Рис. 3. Схема цикла Жюгляра, который начинается депрессией, а заканчивается кризисом⁷

4. Какую схему циклов Жюгляра выбрал Кондратьев? Несоответствия при переносе модели циклов Жюгляра на большие циклы

Кондратьев, следуя за Туган-Барановским, для построения больших циклов взял модель циклов Жюгляра с кризисом в центре. Он даже исправил Туган-Барановского, введя первой повышательную волну 1789–1809 гг. И большие циклы приобретали вид в соответствии с представлениями Туган-Барановского: восходящий фазис – кризис – нисходящий фазис. Как мы видели, такая схема некорректна даже для модели циклов Жюгляра (см. прим. 28 на с. 201).

Уже в работе 1922 г. Кондратьев рассмотрел большие циклы в связи с циклами Жюгляра, что не делал Туган-Барановский. Таким образом, он

⁷ См. прим. 27 на с. 200.

привнес важные новшества. В большой волне 1896–1920 гг. он выделил три малых (Жюгляра) цикла: 1896–1903 гг., 1903–1910 гг. и 1911 – около 1924 г. Выглядело это удивительно. Два первых малых цикла занимали по 7 лет, а третий – почти в 2 раза больше! К тому же цикл 1911–1924 гг. не совпадал с завершением большой волны 1896–1920 гг. Эти несоответствия никак не объяснялись.

Но подобные несоответствия исчезали, если циклы Жюгляра рассматривались с кризисами в конце цикла. Тогда мы на протяжении 1900–1921 гг. имели три таких цикла: 1900–1907 гг., 1908–1914 гг. и 1914–1921 гг. (см. прим. 29 на с. 202).

Заметим, именно так рассматривали данные циклы экономисты-современники. Вот пример: «Конъюнктурный период, исходным моментом которого был октябрьский кризис 1907 г., <...> завершил свой оборот. Высокая конъюнктура кончилась. Ее нет уже несколько месяцев. Теперь зимой 1913–1914 гг. в городах вновь разбухает безработица. Вновь, как и 6 лет назад, сотни тысяч не имеют работы и хлеба, другие сотни тысяч переживают острое, даже, пожалуй, потрясающее снижение своих доходов» (Feiler 1914: 140). Немецкий исследователь Ф. Фейлер однозначно видит начало цикла в кризисе 1907 г., а конец – в кризисе 1914 г. (см. прим. 30 на с. 203).

Вот другой пример: работа американского экономиста В. Шлютера «Предвоенный деловой цикл с 1907 по 1914 гг.» (Schluter 1923). Уже название исследования говорит само за себя. Но не менее важно и то, что В. Шлютер очень точно определил значение спада 1910–1911 гг. В отличие от У. Митчелла, он не придумывал циклов в 2 или 3 года. Спад 1910–1911 гг. он объяснял тем, что в нем был окончательно преодолен кризис 1907–1908 гг. Здесь развита идея пролонгации циклических процессов, не получивших завершения. Заметим, кризис 1907–1908 гг. в США протекал очень остро.

Таким образом, в отличие от Кондратьева, исследователи конъюнктуры 1907–1914 гг. в Германии и США совершенно определенно считали, что кризис стоит не в центре цикла, а завершает его (см. прим. 31 на с. 203). Эта модель прекрасно описывает и следующие после военного 1914–1921 гг. циклы. Например, цикл 1922–1930 гг., или цикл Великой депрессии 1931–1938 гг., или военный цикл 1939–1948 гг. Эта же модель точно описывает цикл 2002–2009 гг. И современный практик А. Гринспен, 18 лет возглавлявший ФРС, так же представлял деловой цикл от кризиса (рецессии) до кризиса (рецессии). Например, с оживления 1993 г. до рецессии 2001 г. (Гринспен 2008: 207).

Наоборот, неполная модель циклов Туган-Барановского и Кондратьева «повышательный фазис – кризис – понижательный фазис» порождает неразрешимые противоречия (см. прим. 32 на с. 204). Так, военный цикл

превращался в 13–14-летний, с чем вряд ли бы согласился и сам Туган-Барановский (см. прим. 33 на с. 205). Крайне сложно применить модель цикла с кризисом в центре к современным циклам с их многолетним устойчивым ростом ВВП. В них промежуточные спады, которые Туган-Барановский и Кондратьев считали началом цикла, выражены очень слабо (см. прим. 34 на с. 205). В последнем цикле 2002–2009 гг. они вообще не выражены.

Поэтому новшества, внесенные Н. Кондратьевым в модель циклов М. Туган-Барановского в работе 1922 г., не столько ее развили, сколько выявили дефекты и проблематичность применения в теории больших циклов. То же можно сказать о переносе начала длинных волн с 1825 г. на 1789–1809 гг. Кажется, что этим была исправлена неточность Туган-Барановского. Но если мы построим схему циклов Кондратьева с дополнительной волной 1789–1809 гг., то обнаружим, что модель цикла «повышательный фазис – кризис – понижательный фазис» искажена (см. прим. 35 на с. 205).

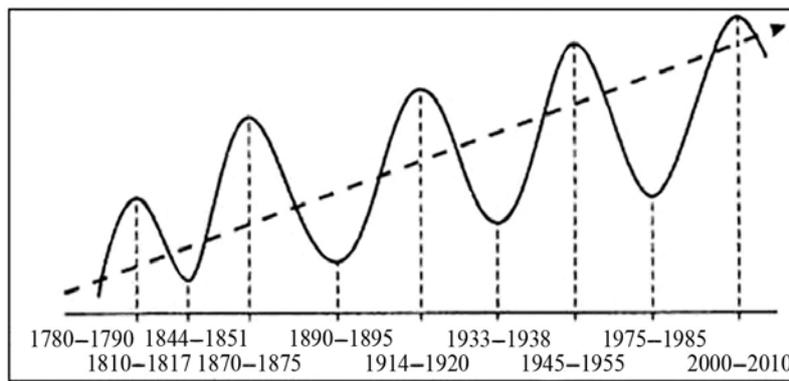

Рис. 4. Графическое изображение циклов Кондратьева

Мы видим, что в центре больших циклов не кризис или низшая точка конъюнктуры, а высшие точки: 1810–1817 гг., 1870–1875 гг., 1920 г. (см. прим. 36 на с. 205).

Неудивительно, что в работах самого Кондратьева мы нигде не встречаем графической модели больших циклов. Очевидно, что обнаружив несовпадение с моделью Туган-Барановского, он избегал графических изображений (см. прим. 37 на с. 206). И, наоборот, начало больших циклов с понижательного фазиса, как у Туган-Барановского, ставило кризис в центре большого цикла. Данный парадокс – лишь одно из важных свидетельств того, что модель циклов Жюгляра оказалась непригодной для больших циклов конъюнктуры (см. прим. 38 на с. 207).

Но эти явные несоответствия Кондратьев игнорировал. В основной его работе «Большие циклы конъюнктуры» (1925 г.) модель циклов Жюгляра с кризисом в центре цикла приобрела всеобъемлющий характер. Под нее подгонялись уже не только стоимостные показатели, но и натуральные. Но мы уже не видим попыток совмещения циклов Жюгляра и больших циклов конъюнктуры. Они оказались для Кондратьева затруднительными (см. прим. 39 на с. 207).

5. «Большие циклы конъюнктуры»: рост числа несоответствий и статистических подтасовок

В «Больших циклах конъюнктуры» выводы из факта многолетних колебаний конъюнктуры в XIX в. были Кондратьевым абсолютизированы и стали основой для самых фундаментальных предвидений. Для советских экономистов теория Кондратьева, со множеством несоответствий и необоснованных выводов, была весьма легким объектом жесткой критики.

Положение Кондратьева осложнялось тем, что конъюнктурная основа цикличности, которую формулировал уже Туган-Барановский, сама была важнейшим недостатком теории больших циклов (см. прим. 40 на с. 208). *Исследование многолетней динамики цен и процентных ставок скрывало главное в индустриальном циклическом развитии: инновационную и технологическую основу* (см. прим. 41 на с. 208). Слабость конъюнктурного подхода в исследовании циклов точно отметил современный критик Кондратьева С. Губанов: «Из-за присущей им многофакторной структуры цены далеко не лучший регистратор экономических закономерностей... Инфляция вообще превращает систему цен в набор кривых зеркал, до неузнаваемости искажающих реальные пропорции и диспропорции экономики, <...> в XX столетии товарный ценовой индекс Англии повел себя не по-кондратьевски, обходясь без “больших циклов”» (Губанов 1999: 74).

Заметим, что в работе о мировом хозяйстве в годы войны Кондратьев и сам соглашался с ненадежностью конъюнктурных показателей: «Ввиду сильного изменения в ценах товаров объем торговли не может быть достаточно точно и правильно выражен в ценностных единицах. Его можно выразить лишь в натуральных величинах» (Кондратьев 1922: 48).

Для более веского обоснования своей теории Н. Кондратьев использовал данные по выплавке чугуна, добыче угля, производству свинца. Но они были чрезвычайно неполными. Крайне спорны методы математической обработки натуральных показателей, в частности выравнивание тренда, превращавшее рост в стагнацию. Подобные манипуляции подвергнуты критике, например, в работе М. Ротбарта 1984 г. «Циклы Кондратьева: реальность или фабрикация?»

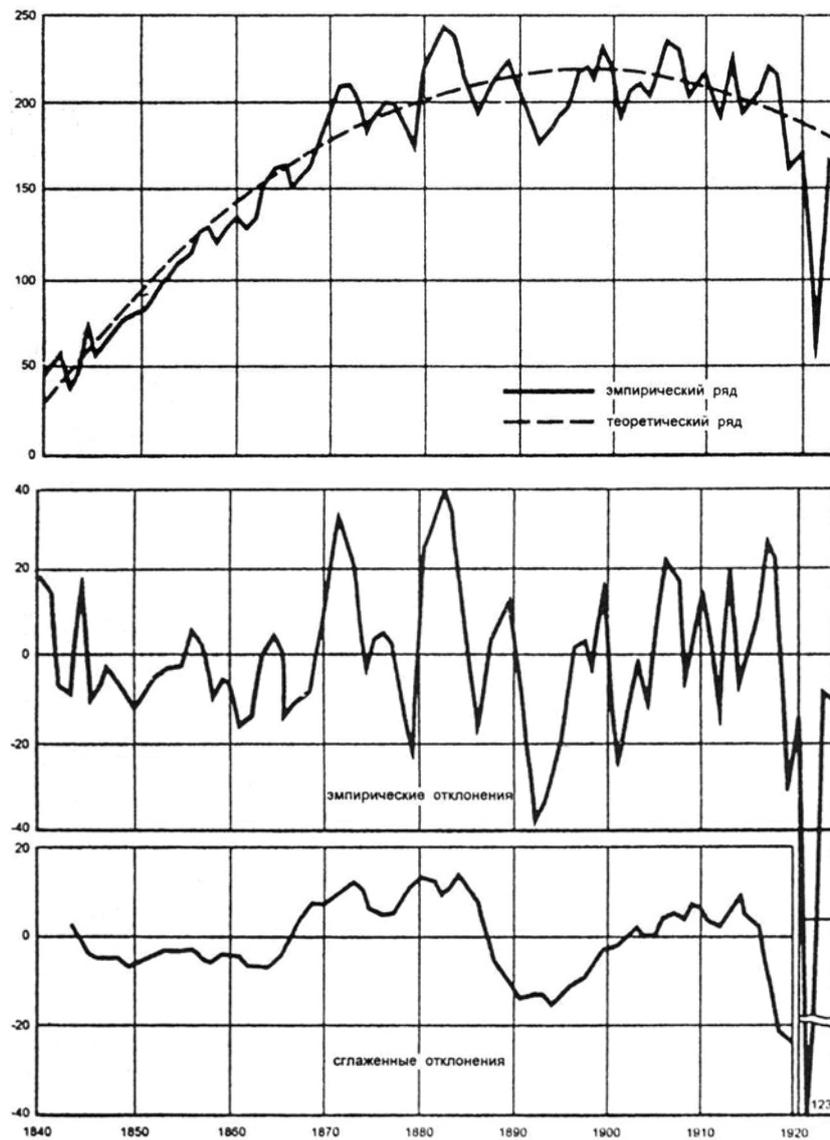

Рис. 5. Фабрикация больших циклов на данных о выплавке чугуна

Превращение реальных данных («эмпирического ряда» в терминологии Кондратьева) в большие циклы конъюнктуры происходило путем двух манипуляций. Сначала убирался тренд, в результате чего быстрый рост

производства в середине XIX в. (1840–1875 гг.) или его падение в годы мировой войны превращались в стагнирующие колебания. Но после этой первой манипуляции большие циклы не появлялись, а еще сильнее выделялись циклы Жюгьяра и их фазы. Однако с помощью второй манипуляции – сглаживания подвижной средней в 9 лет – Кондратьев убирал и циклы Жюгьяра, хотя по их модели строились большие циклы. **Таким образом, убирались реальные, настоящие циклы для фабрикации несуществующих** (см. прим. 42 на с. 208).

Но даже после всего этого насилия над реальными показателями («эмпирическими», по Н. Кондратьеву) динамика выплавки чугуна не приобрела нужной для Н. Кондратьева конфигурации. Например, вторая понижательная волна проявилась с 1884 г. до 1894 г., то есть на 10 лет. Нетрудно понять, что это так и не исчезнувший цикл Жюгьяра! Другой пример: падение выплавки в 1914–1921 гг., что также было циклом Жюгьяра. Не говоря уже о том, что первый большой цикл Кондратьев совсем не отразил. А по нему мы имеем данные, вообще отрицающие какие-либо большие волны. Практически с 1788 г. по 1847 г. зафиксирован огромный рост производства чугуна. Так, в 1788 г. было произведено 68 тыс. т, а в 1814 г. около 300 тыс. т – примерно в 4 раза больше. В 1847 г., в конце первого большого цикла Кондратьева, было произведено 2032 тыс. т чугуна. Рост уже в 7 раз по сравнению с 1814 г. **Таким образом, темпы роста в восходящей волне были ниже, чем в нисходящей.**

Если в 1788 г. Англия уступала по производству России и Швеции и ввозила чугун, то в 1847 г. она производила больше чугуна, чем все остальные страны вместе взятые: 53 % мирового производства! Это был результат индустриальной революции в Англии, которая затем началась в Европе и США. Не случайна и стагнация производства чугуна после 1885 г. К этому времени экономика Англии уже превратилась в индустриально-аграрную. Ее внутреннее потребление стабилизировалось. А рост производства металла в Германии и США во многом закрыл внешние рынки.

Вот данные известного экономиста В. Зомбарта: «В то время, как в 1834/5 г. потребление железа на душу населения в области немецкого Таможенного союза составляло всего 5,8 кг, оно в 1870 г. дошло уже до 38,8 кг, в 1900 г. – до 162,5, в 1910 – до 218,5 кг» (Зомбарт 1924: 96). Таким образом, производство на душу населения в Германии быстро росло в понижательный по Кондратьеву период, приходившийся на 80–90-е гг. XIX в.

Итак, динамика производства чугуна в Англии в XIX в. определялась не мифическими большими циклами Кондратьева, а индустриальной революцией. Она формировала структуру экономики Англии, а затем Германии и США. То же самое можно сказать о добыче угля, которую анали-

зировав М. Ротбарт. *Таким образом, очевидно невозможность и бессмысленность фабрикация больших циклов по модели циклов Жюгляра: повышательный фазис – кризис – понижательный фазис* (см. прим. 43 на с. 212).

Серьезнейшей проблемой натуральных показателей была их неэластичность для вековых экстраполяций, важность которых стремился доказать Кондратьев. Натуральные показатели в индустриальной экономике чрезвычайно динамичны и подвержены непрерывным изменениям. Уже в 80–90-е гг. XIX в. уголь начал заменяться нефтью, а чугун – сталью в производстве рельсов, вагонов и особенно в станкостроении. В XX в. стремительно развивалось не существовавшее в XIX в. производство автомобилей, самолетов, телевизоров и множества потребительских товаров. В конце XX в. появились компьютеры, роботы, мобильные телефоны и т. д. Ни в какой конъюнктурный ряд с чугуном и углем их поставить невозможно.

Следовательно, *вековые ряды в натуральных показателях XX в. в своем большинстве сложно соединить с такими же показателями XIX в.* Передовые отрасли XIX в. в XX в. перестали быть таковыми. СССР в 80-е гг. был мировым лидером по производству угля и металлов, но пережил экономический и политический распад.

Таким образом, натуральные показатели малопригодны для межвековых теорий конъюнктуры типа больших циклов Кондратьева. Структурные сдвиги глубоко изменяют характер экономики. Из аграрно-индустриальной в XIX в. она становится индустриально-аграрной и постиндустриальной в XXI в.! (см. прим. 44 на с. 213).

Итак, *волновая динамика натуральных показателей была создана Кондратьевым с помощью манипуляций с трендом и подвижной средней.* Неудивительно, что оптовые цены за XIX в. математическим манипуляциям подвержены не были, ибо конъюнктурные волны цен были реальны, их не нужно было изобретать с помощью математических искажений (см. прим. 45 на с. 213).

В то же время в ходе дискуссии 1920-х гг. оппонентами Кондратьева было точно подмечено, что и стоимостные показатели, которые он исследовал наряду с конъюнктурой цен, просто испытали их мультипликативное воздействие. «Предшествующий анализ приводит нас к убеждению, что длительные колебания заработной платы и оборотов по внешней торговле представляют из себя ничто иное, как колебания общего уровня товарных цен... что едва ли может усилить доказательность наличия больших циклов в разных экономических элементах» (Кондратьев 1989: 251).

Следствием конъюнктурного подхода в исследовании цикличности стала недооценка Кондратьевым важности разделения доиндустриальной и индустриальной эпохи. Кондратьев был специалистом по зерновому

рынку России, где индустриализация в 20-е гг. XX в. была крайне замедленной.

Этот факт хорошо виден в неразличении им таких важных для теории циклов категорий, как капитализм и индустриализм. Так, в «Больших циклах конъюнктуры» читаем: «С самого начала я должен указать <...> что мое исследование относится только к условиям капиталистического общества» (Кондратьев 2002: 341; см. прим. 46 на с. 213). Кондратьев не пытался определить время начала индустриальной эпохи, а с ней индустриальной цикличности. А ведь понятием «капитализм» вполне можно определить, например, экономику Флоренции XV в. или Голландии первой половины XVII в. и Англии конца XVII в. (см. прим. 47 на с. 214).

На самом деле различение капитализма и индустриализма играет огромную роль в теории циклов. Без точного определения времени начала индустриальной цикличности сложно разработать научную теорию циклов.

II. Большие волны конъюнктуры – явление XIX в. Больших циклов Н. Кондратьева не существует

1. Когда началась индустриальная эпоха? Наполеоновские войны как фактор, замедливший индустриализацию

Цикличность была присуща и земледельческой эпохе. Например, в истории Китая, где сменялись имперские циклы Тан, Сун, Мин, Цин, с периодом в 270–300 лет. В земледельческой Европе цикличность также проявлялась. Примерно с 1760 г. рыночные отношения достигли такого уровня, что вызывали торговые кризисы. Они возникли в 1763, 1772, 1783, 1793 гг., но были связаны с военно-политическими событиями: концом Семилетней войны (1763 г.) и военными долгами прусского короля Фридриха II, поражением Англии в войне с США (1783 г.) и т. д.

Торговые кризисы второй половины XVIII в. имели лишь внешнее сходство с индустриальными. Индустриальные технологии только зарождались, а потому не было главного источника цикличности: технологических инноваций. Хотя в торговых кризисах уже можно обнаружить некоторые финансовые и пространственные причины, присущие индустриальным. Сами элементы индустриального производства зародились во второй половине XVIII в., но до начала XIX в. играли незначительную роль, в том числе и в цикличности (см. прим. 48 на с. 214).

«Кризис 1788 г. был присущ лишь хлопчатобумажной промышленности; это был частичный кризис, хозяйство страны в целом не испытало потрясения» (Мендельсон 1949: 130). Еще слишком мизерным было значение зародившегося индустриального сектора экономики. В 1788 г. прядильные фабрики имели только 1/8 всех веретен, и абсолютно преобладало ручное прядение прялкой «Дженни». *Паровые машины стали внедряться в хлопкопрядение лишь с 1785 г., и в 1800 г. их было всего 82.*

Таким образом, в конце XVIII в. даже прядение – единственная отрасль (кроме металлургии), где зародилось индустриальное производство, – только вступило на путь индустриализации. Исследователь индустриальной революции в Англии П. Манту писал о кризисе 1793 г.: «Не может быть и речи о том, чтобы приписывать этот всеобщий крах столь ограниченному еще действию применения машин и крупного производства» (Манту 1924: 245). Главную роль в кризисах 90-х гг. XVIII в. играли спекулятивные банки, финансировавшие колониальную торговлю, строительство каналов, и начавшаяся в феврале 1793 г. война с Францией, породившая инфляцию.

Немало современников в этой войне видели главную причину кризиса 1793 г. Еще в большей степени такое заключение следует отнести к кризису 1797 г. Несколько лет войны привели к небывалому росту государственных расходов и резкому сокращению золотого запаса. В результате в 1797 г. был даже принят «Закон о приостановке расчетов металлическими деньгами». Военные расходы оказывали большое влияние на экономику Англии до самого конца Наполеоновских войн и даже в первые годы после них.

В хозяйстве Англии ведущую роль продолжало играть строительство каналов, которое было только подготовкой индустриализации. Стоимость их строительства за 1793–1796 гг. возросла в 3 раза. Важную роль в торговле играл реэкспорт из колониальных стран. Таким образом, и кризис 1797 г. нельзя причислить к индустриальным. Сокращение в производстве началось после финансового кризиса и падения курса ценных бумаг. Не слишком меняет дело и то, что в конце XVIII в. начинается быстрое развитие металлургии и добычи угля. Значение этих отраслей до завершения Наполеоновских войн было невелико. Хотя в начале XIX в. Англия вышла на первое место по производству чугуна, его основным потребителем были армия и флот.

Добыча каменного угля существовала на основе ручного труда. Хотя применение паровых насосов Ньюкоба⁸ в шахтах началось еще в начале XVIII в., они использовались для откачки грунтовых вод, вентиляции выработок и т. п. Лишь в конце XIX в. механизировали добычу угля.

Соответственно ни металлургия, ни угледобыча не оказывали существенного влияния на цикличность конца XVIII – начала XIX вв. Лишь начало грандиозного железнодорожного строительства в 20–30-е гг. XIX в. сделало чугун и уголь основой не только индустриализации, но и цикличности. Поэтому весьма точно следующее заключение: «Кризисы хлопчатобумажной промышленности Англии 80-х и 90-х гг., которые современники называли катастрофами, для всего хозяйства Англии имели ничтож-

⁸ Речь, очевидно, идёт о Томасе Ньюкомене (1663–1729). – *Прим. отв. ред.*

ные последствия, в силу незначительной роли хлопчатобумажной промышленности в экономике Англии» (Мендельсон 1949: 159).

Лишь кризис 1810 г. начинал приобретать черты индустриального. Этому способствовали два обстоятельства. Рост числа паровых машин в прядильной индустрии и морская победа в 1805 г. английского флота над франко-испанским, позволившая расширить экспортную торговлю. Так, если в 1805 г. экспорт хлопчатобумажных изделий составил 9,5 млн ф. ст., то в 1809 г. – уже 19,4 млн ф. ст. Но это не был рост чистого индустриального экспорта (см. прим. 49 на с. 214). **Если прядение к 1810 г. уже почти было механизировано, то ткачество оставалось практически полностью ручным.** В 1813 г. механических ткацких станков было лишь 2,5 тыс. против более 200 тысяч ручных. Даже в 1820 г. было лишь 14 тыс. механических ткацких станков против 240 тыс. ручных. Только к концу 30-х гг. механическое ткачество стало главенствующим.

Таким образом, и в текстильной отрасли несколько десятилетий машинное производство тесно переплеталось с ручным. К тому же и в 1810 г. в огромной степени сказывалось влияние Наполеоновских войн и континентальной блокады. Десятки кораблей с товаром были конфискованы французами в портах Европы. Большие затруднения в торговле резко усилили финансовые противоречия, и в результате в Англии разорились многие провинциальные банки. Монетное золото исчезло из обращения.

Большое влияние на цикличность в начале XIX в. оказывали неурожайные годы и торговая блокада Наполеона. В 1812 г. цены на зерно достигли максимума: 123 шиллинга за кватер, что вело к замедлению индустриализации. До 1816 г. в Англии росло производство зерновых и процветала невероятная спекуляция землей. А занятость в аграрном секторе увеличивалась и после войны. Если в 1811 г. земледелием занималось около 900 тыс. семей, то в 1821 г. почти миллион. Рикардо считал, что кризисы 1800–1815 гг. были следствием неурожая, бумажных денег и перепадов в реэкспортной торговле.

Не меньшее влияние Наполеоновских войн ощущали другие отрасли, стоявшие на пороге индустриализации. Металлическая и шерстяная отрасли испытали глубокий кризис после завершения этих войн, так как длительное время выполняли большие военные заказы правительства. Расходы на армию и флот достигли в 1814 г. огромной суммы в 70 млн ф. ст. и сократились до 12–15 в 1817–1820 гг. А всего военные затраты Англии за 1793–1816 гг. составили колоссальную по тем временам сумму – 1 млрд 773 млн ф. ст.

Таким образом, длительные войны оказали большое влияние как на структуру экономики и конъюнктуру, так и на циклические процессы в Англии. Войны сильно замедлили индустриальную революцию в Англии. Так, англо-американская война привела к почти полному прекращению поставок хлопка. А экспорт Англии в США сократился

с 11 млн ф. ст. в 1810 г. до 2 млн ф. ст. в 1811 г. и до 8 тыс. ф. ст. в 1814 г.! Война породила застой в наиболее индустриальной отрасли хозяйства Англии.

Еще больше это касалось Франции, Австрии и Германии. Их индустриализация была в зачаточном состоянии в начале XIX в. Так, в саксонской текстильной промышленности Германии до конца Наполеоновских войн не было внедрено ни одной паровой машины, важную роль играла тяговая сила человека и лошади. Лишь с 1816 г. мы можем говорить о начале индустриальной эпохи в хозяйстве Англии, а спустя 20–30 лет и в других странах Европы и США. С этого времени началась индустриальная цикличность. Завершавшие циклы индустриальные кризисы методически повторялись в 1825 г., 1837 г., 1847 г., 1857 г., 1866 г. (см. прим. 50 на с. 215).

Таким образом, период 1789–1814 гг., который Кондратьев считал повышательной волной первого большого цикла, вообще нельзя включать в индустриальную эпоху. Повышение цен в этот период носило военно-инфляционный характер, а индустриальная экономика только зарождалась (см. прим. 51 на с. 215). Но и в условиях сильнейшей военной инфляции индустриальное производство резко снижало цены. Вот динамика понижающихся цен на пряжу в шиллингах: 1786 г. – 38, 1790 – 30, 1800 – 9,5, 1807 – 6,75, 1832 – 3 (Porter 1857: 181). Если выразить эти данные в общих индексах цен, приводимых Кондратьевым, то мы получаем противоположную динамику.

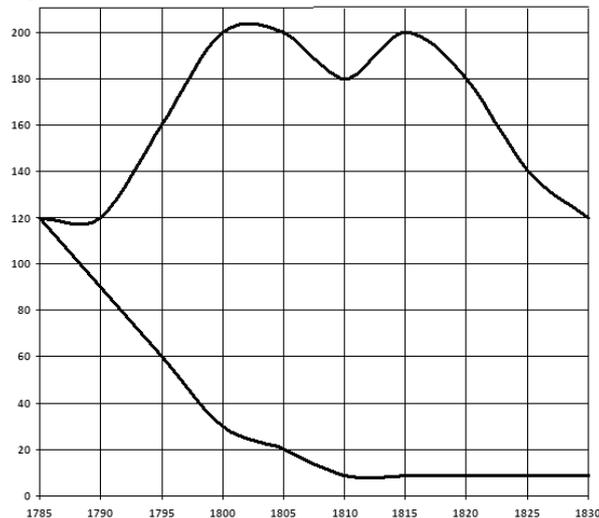

Рис. 6. Динамика общего индекса цен и динамика цен на хлопчатобумажную пряжу за 1785–1832 гг.

В этом изначально проявился инновационный характер индустриального производства, а сегодня – постиндустриального. Здесь хорошо видна порочность конъюнктурного подхода в теории цикличности. Вопреки общему стремительному повышению цен за период 1789–1814 гг. индустриальное производство резко снизило их за счет огромного роста производительности труда. Этот факт свидетельствует, **что конъюнктурная теория Кондратьева искажала генезис индустриальной экономики и присущей ей цикличности** (см. прим. 52 на с. 216).

Первая «повышательная волна» Н. Кондратьева была прямым результатом военно-инфляционных процессов и противоречила начавшейся индустриализации. Без революции и Наполеоновских войн конъюнктура 1789–1814 гг. и 1816–1849 гг. имела бы малое отличие. А «повышательной волны», вызванной военно-инфляционным ростом цен, просто бы не было, как и последовавшего после 1815 г. резкого снижения цен до начала 1830-х гг.

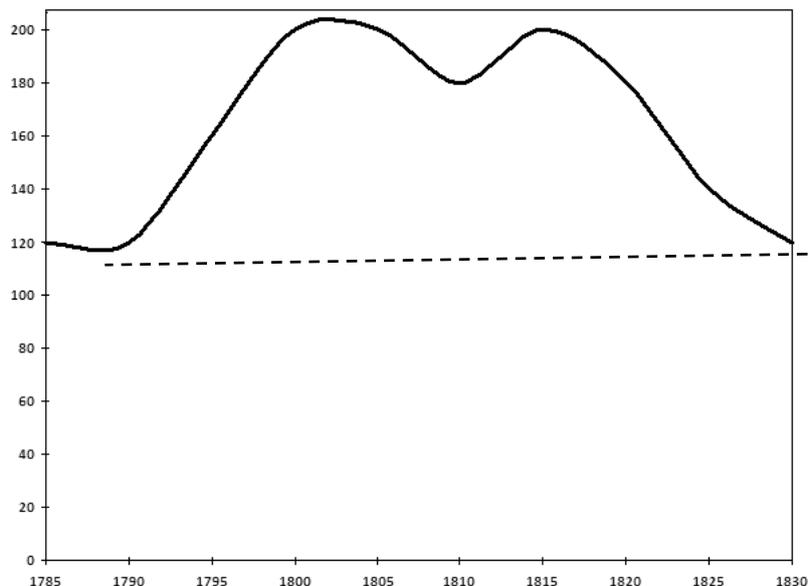

Рис. 7. «Выпуклость» военно-инфляционной конъюнктуры времени Наполеоновских войн и послевоенного периода

Поэтому очевидно, что *Н. Кондратьев* *безосновательно начал исследование с периода 1789–1814 гг. и еще более безосновательно соединил его в единый большой цикл с периодом 1816–1849 гг.*

Так что не случайно как М. И. Туган-Барановский, так и С. Де Вольф начинали исследование с 1825 г. (см. прим. 53 на с. 216). Вот что писал

Туган-Барановский: «...английские кризисы 1811, 1815 и 1818 гг. по своему типу приближались к кризисам прошлого столетия: они были вызваны легко определяемыми внешними причинами политического свойства. Совсем другой характер имели последующие английские кризисы: все они вызывались внутренними причинами, происходящими среди полного мира» (Туган-Барановский 1914: 26). Туган-Барановский как исследователь циклов в Англии прекрасно знал, что Наполеоновские войны породили сильнейшую инфляцию, а индустриальная экономика на рубеже XVIII–XIX вв. только зарождалась (см. прим. 54 на с. 217).

2. Причины конъюнктурных волн в XIX в.: формирование аграрно-индустриального хозяйства. Конвергенция индустриализации, золотого обращения и зернового рынка

Итак, включение периода 1789–1814 гг. Кондратьевым в большие циклы нужно считать ошибкой. Но, возможно, другие конъюнктурные волны XIX в. подтверждали его теорию? Анализ экономического развития XIX в. и первых десятилетий XX в. показывает, что смена повышательных и понижательных волн конъюнктуры была присуща только для XIX в. ***В этом веке возникла аграрно-индустриальная экономика, для которой была характерна конвергенция индустриальных и земледельческих структур. Она и была источником больших волн.*** Уже на рубеже XIX–XX вв. хозяйства сначала Англии, а затем Германии и США становились индустриально-аграрными, и конъюнктурные волны теряли свое значение (см. прим. 55 на с. 217).

Как видно на примере огромного снижения цен на пряжу: с 38 шиллингов в 1786 г. до 3 шиллингов в 1832 г., рост производительности труда был важнейшей основой снижения цен. Этому же способствовало падение транспортных издержек с развитием железных дорог и пароходостроения в 30–40-х гг. в Англии, США и Европе. ***Таким образом, индустриальная (технологическая) революция была важнейшим общеэкономическим фактором стремительного снижения цен после 1815 г.*** Двумя другими факторами долгосрочных колебаний конъюнктуры в XIX в. было восстановление золотого стандарта и большое значение зернового рынка.

Хотя обращение золота как денег и широкая зерновая торговля возникли задолго до индустриальной эпохи, в ее начале они продолжали играть выдающуюся роль. Так что ***развертывание индустриальной экономики породило конвергенцию доиндустриальных товарных потоков и денежных инструментов с нарастающим индустриальным производством и денежно-кредитной системой.*** Долгосрочные падения и повышения конъюнктуры цен и были зримым выражением конвергенции индустриальных и доиндустриальных структур хозяйства в XIX в.

Хотя золотомонетный стандарт уже существовал до индустриальной эпохи, он был отменен в Англии специальным законом в 1797 г. и снова

введен полностью только с 1821 г. Прекращение Наполеоновских войн стало важнейшей причиной восстановления золотого паритета. **Без прекращения длительных войн вообще не могла возникнуть система мировой торговли, а значит, и смена ее конъюнктуры.** Благодаря полноценному обращению золота была минимизирована инфляционная составляющая банкнот, игравшая большую роль в военные годы.

В итоге важнейшее влияние на колебания цен стала оказывать мировая добыча золота, от объемов которой зависело состояние золотого обращения в мировой торговле. Достаточно назвать «золотую лихорадку» конца 40-х и начала 50-х гг. XIX в. За эти годы масса золота в обращении возросла более чем в 2 раза. «Ценность золота, добытого в течение нескольких лет, с 1848 г. по 1856 г., более чем на 1/6 превышает ценность всего имевшегося до тех пор во всем мире количества золота и серебра» (Лескюр 1908: 67).

Добыча золота

1800–1820 гг. – 14,8 т

1821–1840 гг. – 17,2 т

1841–1850 гг. – 54,8 т

1851–1860 гг. – 201,3 т

1861–1870 гг. – 190,3 т

Мы видим огромный скачок в добыче золота между 40-ми и 50-ми гг. Она увеличилась почти в 4 раза! Заметим, что быстро росла и добыча серебра, игравшего большую роль в качестве денежного материала в середине XIX в.

Только в 1867 г. на Парижской международной конференции была признана система золотомонетного паритета с определенными правилами и ограничениями в колебаниях курсов. Но к этому времени уже стремительно росла масса кредитных денег, хотя еще и привязанных к золоту. Но почти до конца XIX в. позиции золота как главного денежного металла не только сохранялись, но даже усиливались. С одной стороны, падали темпы добычи золота и повышалась его цена относительно других товаров, в том числе и по отношению к серебру. С другой – это ускорило переход к золотому стандарту ряда важнейших стран, придерживавшихся биметаллизма или серебряного стандарта. Так, Германия перешла к золотому паритету с 1875 г., США – с 1879 г., Австро-Венгрия продекларировала переход в 1892 г., а Россия – в 1896–1897 гг. Эти государства создавали золотой резерв, поднимая цену золота.

Стремительное развитие мировой торговли и укрепление системы золотого паритета создали чрезвычайно благоприятные условия для консолидации зернового рынка в 60–70-е гг. XIX в. Благодаря строительству железных дорог быстро осваивались громадные массивы земледельческих угодий в США, Канаде и Аргентине. Так, посевные пло-

щади под пшеницей возросли в США с 13 млн акров в 1863 г. до 32 млн акров в 1878 г. Только за 1867–1878 гг. производство пшеницы удвоилось. В 1880 г. экспортная выручка США от продажи зерновых достигла рекордного уровня 876 млн долларов. Стремительное развитие океанского судостроения позволило американскому зерну заполнить европейские рынки.

Н. Кондратьев вполне понимал огромную роль индустриального транспорта в развитии хлебной торговли в XIX в. «Железные дороги производят целую революцию в хлебной продукции и хлебном обороте» (Кондратьев 1991: 104). А вот еще более конкретное замечание: «Фрахты на кватер пшеницы от Нью-Йорка до Ливерпуля упали с 4 шилл. 7,5 пенс. в 1869 г. до 7,5 пенс. в 1902 г. Это колоссальное “экономическое приближение” С. Ш. к европейскому рынку... открыло огромные возможности сбыта... Для европейских стран это означало <...> понижение цен большинства сельскохозяйственных товаров» (Кондратьев 2002: 445).

В этот же период происходило отставание добычи золота от роста мировой торговли. Снижение цен на важнейшие виды продовольствия и рост цен на золото вели к понижательной волне мировой конъюнктуры. Рост производительности труда в 80-е гг. XIX в. усилил падение цен.

3. XX в.: смена больших волн конъюнктуры «вековой инфляцией». Снижение темпов индустриального роста, значения золота и зернового рынка в мировом хозяйстве

Однако значение вышеназванных трех факторов в формировании конъюнктуры модифицировалось и резко уменьшилось в XX в. Важнейшие сдвиги в отраслевой структуре хозяйств Европы, США и России в конце XIX и начале XX в. снизили влияние зернового рынка на индустриальную экономику. Рост урожайности и механизации земледелия в США и Европе уменьшали неурожаи и колебания цен на зерновых рынках.

На рубеже XIX–XX вв. вслед за Англией переходят к индустриально-аграрному хозяйству США, Германия, а частично и Франция (см. прим. 56 на с. 220). Это проявилось в стремительном росте индустриального производства и городов. В США в цикле 1893–1903 гг. добыча угля возросла с 165 млн т до 324 млн т, производство чугуна – с 9 млн т до 18 млн т, стали – с 5 млн т до 15 млн т. За 90-е гг. население Чикаго выросло с 1,1 до 1,7 млн чел., Филадельфии – с 1 млн до 1,3 млн чел., Нью-Йорка – с 1,5 до 3 млн чел. В Германии в 1900 г. индустриальные отрасли увеличили производство почти в 2 раза в сравнении с 1890 г., стремительно росли жилищное строительство и города. Если число занятых в индустриальном

и аграрном секторах в 1895 г. было почти равным: 8 млн 281 тыс. и 8 млн 293 тыс., то в 1907 г. в промышленности было занято уже почти на 1,5 млн человек больше: 11 млн 256 тыс. против 9 млн 883 тыс.

Вместе с тем темпы роста производительности труда уже не могли быть такими, как в период индустриальной революции. Более того, наблюдалось ее снижение в Англии, а частично в Германии и США, особенно в добывающей промышленности, что вызывало рост цен.

О падении темпов роста производительности труда в начале XX в. писал сам Кондратьев в работе 1928 г. «Динамика цен промышленных и сельскохозяйственных товаров» и даже приводил соответствующие графики. Особенно ускорился рост заработной платы в сравнении с производительностью труда в годы мировых войн и в послевоенное время. Причем даже в наименее пострадавших от этих войн США. Следствием была инфляция. Вот что писал известный экономист середины XX в. Э. Хансен.

«Общее инфляционное движение во время Первой мировой войны <...> подняло уровень заработной платы на новую, более высокую ступень, более чем вдвое превосходящую довоенный уровень. <...> Индекс заработной платы (1914 г. – 100) поднялся примерно до 220 в 1923 г. и до 230 в 1926 г. Но производительность 1 человеко-часа труда <...> на 53 % с 1919 по 1926 г. <...> Таким образом, уровень издержек на труд <...> поднялся примерно на 50 % по сравнению с предвоенным уровнем <...> Индекс цен вырос примерно в той же мере <...> такой же (хотя и отличающийся в деталях) процесс развивался и после Второй мировой войны... Инфляционное давление вызвало циклическое повышение цен и зарплаты, средняя зарплата росла быстрее, чем производительность труда» (Хансен 2006: 176–177) (см. прим. 57 на с. 221).

Таким образом, процесс замедления темпов роста производительности труда, начавшийся еще в конце XIX в. и связанный с завершением индустриальной революции, с началом мировых войн приобрел устойчивую тенденцию. **Это была важнейшая причина почти непрерывного роста цен, ибо зарплата составляла основную часть издержек производства (около 2/3)** (см. прим. 58 на с. 221).

Важны данные Э. Хансена и по динамике цен за первую половину XX в. «Период 1900–1947 гг. характеризовался резкими колебаниями цен. Но даже в самой низкой точке в 1930-х гг. уровень цен был на 16 % выше, чем 1900 г., а средний уровень цен с 1917 по 1947 г. был вдвое выше, чем уровня 1900 г. В 1947 г. индекс цен был на 50 % выше, чем в 1926 г., и почти в 3 раза выше уровня 1900 г.» (Хансен 2006: 50). Дата 1947 г. интересна тем, что ею можно было бы завершить понижательный период большого цикла Н. Кондратьева, начавшийся в 1921 г. Получается 25–

26 лет, а весь большой цикл 1896–1947 гг. – 50 лет. Но Э. Хансен показывает, что никакой понижательной волны не было, так как в среднем за «повышательный» период 1896–1920 гг. цены были значительно ниже, чем за «понижательный» период 1921–1947 гг.

Таким образом, большой цикл конъюнктуры не проявился уже в первой половине XX в. А чуть позже, в 50-е гг., появляется термин «*вековая инфляция*», который означал, что в XX в. конъюнктуры больших волн не было (прим. 59 на с. 222).

В 1956 г. Хаберлер писал: «В промышленно развитых странах вековая инфляция проявляется в форме ползучего и перемешивающегося повышения цен. Иначе говоря, цены повышаются медленно, в среднем несколько процентов в год» (Хаберлер 2008: 425). Заметим, что это было время расцвета Бреттон-Вудской валютной системы. С конца 60-х гг. в период ее распада рост цен мог достигать двухзначных цифр, как, например, рост цен на нефть с 1973 г.

На приведенных графиках прекрасно виден почти непрерывный рост цен в XX в. – конъюнктура «вековой инфляции», как цен производителей (индекс PPI, заменивший в 1978 г. WPI – индекс оптовых цен), так и индекс потребительских цен – CPI.

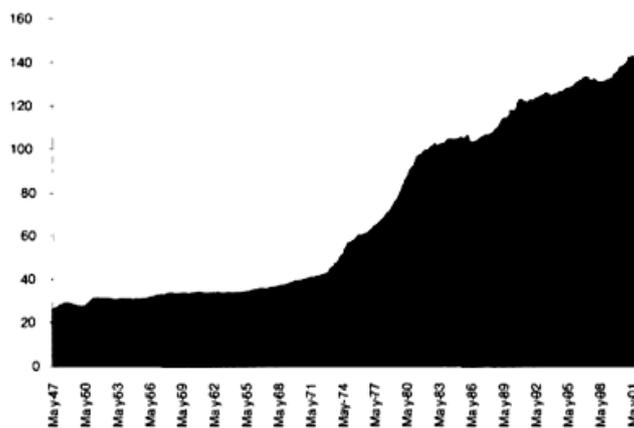

Рис. 8. Индекс PPI США с 1947 по 2000 г., 1982 г. = 100

Источник: U.S. Department of Labor, Bureau of Labor Statistics.

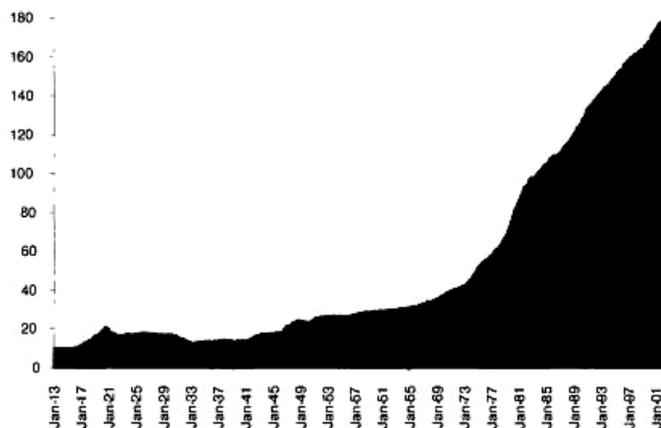

Рис. 9. Индекс CPI США с 1913 по 2002 г., 1983 г. = 100

Источник: U.S. Department of Labor, Bureau of Labor Statistics.

Использование данных по динамике цен США вынужденно. Лишь они не испытали крайних последствий мировых войн XX в. А факт «вековой инфляции» опровергает теорию Кондратьева и вынуждает «кондратьевцев» применять еще более явные статистические подтасовки (см. прим. 60 на с. 222).

Снижение темпов индустриализации не означало ее остановки (см. прим. 61 на с. 222). *Аграрно-индустриальная экономика XIX в. в XX в. превратилась в индустриально-аграрную, а затем и в индустриальную.* Индустриализация самого аграрного сектора шла на протяжении всего XX в. «В XX в. сельское хозяйство пережило несколько крупных технологических сдвигов... Первый из них состоял в переходе от ручной обработки земли или использования тягловой силы животных к механической обработке на основе применения тракторов и других сельскохозяйственных машин. В развитых странах он происходил в течение первой трети века и закончился к 40-м годам» (Мировая... 2003: 306).

Таким образом, кризис зернового рынка и понижение цен в США в 20-е гг. XX в., которое якобы подтверждает действия больших циклов в XX в., были следствием быстрой индустриализации земледелия (см. прим. 62 на с. 222). А понижение цен на зерно в XIX в. было вызвано расширением посевных площадей в Америке и индустриализацией транспорта. Но аграрная индустриализация углублялась весь XX в. «Второй технологический сдвиг состоял в переходе к системе машин, логическим завершением которого стала комплексная механизация всего производственного процесса в сельском хозяйстве. Сердцевиной этого сдвига стала так называемая малая механизация, которая позволила заменить ручной

труд на промежуточных операциях и погрузочно-транспортных работах. В США этот переход происходил в 40–50-е годы столетия, в Западной Европе в 50–60-е гг.» (Мировая... 2003: 306–307).

Но и это не было пределом индустриализации аграрного производства. В 60–70-е гг. разворачивается агропромышленная интеграция, в результате которой сельское хозяйство стало органической частью индустриальной экономики. В последние десятилетия XX в. началась постиндустриальная трансформация, в сельском хозяйстве возникли кластеры биотехнологий. Следствием были огромный рост производительности труда и столь же большое сокращение занятых.

«...Занятость в сельском хозяйстве США сократилась с примерно 45 % в 1900 г. до 3 % в 2000 г.» (Линдси 2008: 332). Заметим, эти данные приводит исследователь, как и Кондратьев, не увидевший глубокого отличия XIX и XX вв. и нашедший глобализацию уже в XIX в.

Как видим, примерно с 1900 г. начинается стремительное падение занятости в аграрном секторе, охватившее весь XX в. *Поэтому экстраполяция повышательных и понижательных трендов XIX в. на XX в. и в аграрном секторе выглядит глубоко проблематичной* (см. прим. 63 на с. 223).

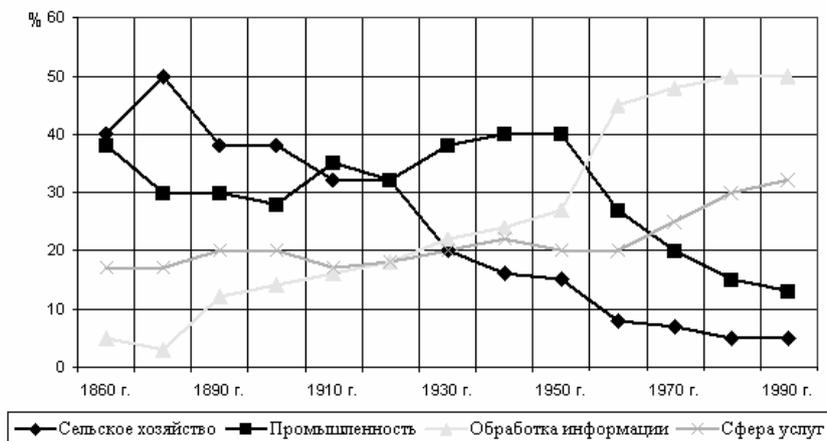

Рис. 10. Распределение рабочей силы в экономике США в XX в.⁹

То же самое можно сказать об эволюции кредитно-финансовой системы мирового хозяйства. Глубинные сдвиги здесь также происходили с начала XX в. Роль золота в финансовой системе сначала снижалась имплицитно. Если после Наполеоновских войн кредитные деньги обслуживали лишь 1/3 товарного обращения, то в 1913 г. их доля уже приближалась к 90 %.

⁹ См. прим. 64 на с. 226.

Таким образом, золото все менее участвовало в товарно-денежном обращении в виде монет. Значит, еще до Первой мировой войны изменялся характер системы золотого паритета: из золотомонетного он становился золотодевизным. Особенно низким было золотое обеспечение фунта стерлингов, игравшего до 1914 г. наряду с золотом роль мировых денег.

Уже в начале XX в. происходил процесс удешевления денежного обращения, о котором еще за 100 лет до этого писал знаменитый экономист Д. Рикардо: «...если бы увеличение размеров денежного обращения происходило за счет монеты, то стоимость как слитков, так и денег была бы <...> выше... Но от этих неудобств можно полностью избавиться путем выпуска бумажных денег, поскольку тогда не будет возникать добавочного спроса на слитки, их стоимость будет оставаться неизменной, стоимость же новых бумажных денег, так же как и старых, будет соответствовать стоимости слитков» (Рикардо 1955). ***Это означает, что чем меньше звонкой монеты в обращении, тем ниже становились цены денег, но рос масштаб цен всех товаров.*** Таким образом, золотомонетная система делала золото дороже, а золотодевизная, к которой имплицитно переходила экономика начала XX в., дешевле (см. прим. 65 на с. 227).

Вот пример смены золота бумажными деньгами из экономической жизни России. При введении в 1897 г. золотого паритета министерство финансов создало большие запасы золотых монет, опасаясь, что население будет избегать бумажных денег. Но случилось иначе. Золотые монеты не пользовались спросом, и их приходилось навязывать. В начале XX в. из ведущих государств лишь во Франции золотые монеты имели широкое хождение. Несмотря на изменение конъюнктуры после 1896 г. добыча золота хотя и росла, но отставала от роста товарного обращения. ***Этот факт означал, что уже на рубеже XIX–XX вв. начал изменяться сам механизм формирования цен и механизм конъюнктуры в целом.***

Данный факт был отмечен одним из оппонентов Кондратьева – Спектатором: «Отметим еще неправильность, что промышленный подъем конца 90-х гг. вызван увеличением количества золота. Это пытался доказать в свое время Зомбарт, но его точка зрения не принята и в немецкой литературе, а главное, американскими исследователями установлено, что рост добычи золота на самом деле не поспедал за ростом товарного обращения» (Кондратьев 1989: 300). Позднее в работе 1928 г. о динамике цен Кондратьев сам подтвердил этот факт.

Все более росло значение депозитного хранения и вексельного кредитования. Так, сумма депозитов в США в начале XX в. увеличилась в 3 раза. Уже крупнейший монетарист И. Фишер в работах начала XX в. показал большое значение роста депозитов в динамике циклов Жюгляра. Кондратьев с этим соглашался: «...по нашим расчетам, отношение количества всех депозитов к количеству денег в обращении в С.-А. С. Ш. с 2,8

в 1875 г. увеличилось до 3,1 в 1895 г. и до 5,9 в 1915 г.» (Кондратьев 2002: 510).

В Германии большое значение получило вексельное обращение под покровительством Рейхсбанка. Так называемая немецкая система вексельного кредитования стимулировала быстрый рост тяжелой индустрии. А важнейший экономический партнер Германии Австро-Венгрия после декларации о введении золотого паритета так и не реализовала его. Курс австрийской валюты поддерживался путем учета иностранных веселей.

Однако вытеснение золота кредитными суррогатами имело не только позитивные, но и глубокие негативные последствия. Они выражались как в острых биржевых кризисах (в США: 1884 г., 1893 г., 1907 г.), так и в том, что сначала на протяжении циклов Жюгляра, а в начале XX в. уже в течение 25 лет (1896–1920 гг.) продолжался непрерывный инфляционный рост цен. И чем далее мы углубляемся в исследование кредитно-финансовых процессов XX в., тем больше отличий от XIX в. (см. прим. 66 на с. 227). Наконец, в начале 70-х гг. XX в. система золотого паритета полностью себя исчерпала и сформировался плавающий курс кредитных валют. Рост цен стал всеобщим и почти непрерывным. Жестко и точно об этом сказал Б. Линдси: «Великим возмездием за неразменные бумажные деньги была инфляция. После Второй мировой войны руководители центральных банков, поддавшись чарам Кейнса, сознательно проводили политику легких денег во имя достижения полной занятости и ускорения экономического роста» (Линдси 2008: 295).

Таким образом, *на рубеже XIX–XX вв. шел активный процесс превращения экономик из товарно-монетарных в товарно-кредитные*. Соответственно менялись и деньги, обслуживавшие индустриальную экономику. Товарно-металлические деньги вытеснялись кредитно-бумажными деньгами (см. прим. 67 на с. 227).

Столь важные изменения в сущности денег в экономической науке были осознаны уже в начале XX в. в книге немецкого экономиста Г. Ф. Кнаппа «*Staatliche Theorie des Geldes*» (1905 г.). Он утверждал, что бумажные деньги, подкрепленные авторитетом государства, должны считаться такими же полноценными, как и металлические. Окончательно изменения системы золотого паритета были закреплены в 1922 г. на Генуэзской конференции. Но и золотодевизное обращение испытывало перманентный кризис.

Сам Кондратьев признавал глубокие изменения в мировой экономике. «Экономическая наука видит причины последнего мирового повышения цен, начавшегося с 1894–1896 гг., отчасти в обесценении денег, но главным образом, в изменении структуры мирового хозяйства <...> в росте индустриализма и городов, в развитии внутренних национальных рынков

отдельных стран, в сокращении девственных сельскохозяйственных территорий, и в переходе сельского хозяйства к более интенсивным формам продукции. Это положение можно применить, в частности, и для объяснения повышения хлебных цен» (Кондратьев 1922: 116).

Но Кондратьев не понял, что в отличие от XIX в. в XX в. изменение структуры мирового хозяйства не менее затронуло и кредитно-финансовую сферу. ***Резко возросло значение кредитных отношений и кредитных денег, а значит, изменились факторы и принципы формирования мировой конъюнктуры.*** Поэтому механическое перенесение динамики конъюнктуры XIX в. на XX в. было несостоятельно. Важной причиной недооценки Кондратьевым изменений в кредитно-финансовых отношениях в XX в. в сравнении с XIX в. было то, что в середине 20-х гг., когда русский экономист разработал теорию больших циклов, произошла частичная стабилизация и восстановление золотого паритета в виде золотодевизного стандарта.

Вот как Кондратьев видел тенденции развития денежно-финансовых отношений в 1922 г.: «...мы стоим в начале длительного процесса восстановления мирового денежного обращения и в силу этого повышения ценности денежной единицы. Это в свою очередь является фактором понижательной волны цен и вообще конъюнктур большого цикла и опять-таки подобно тому, как было в 70-х гг. прошлого века» (Кондратьев 2002: 339). Как видим, непонимание Кондратьевым того факта, что мировая кредитно-финансовая система перешла в неустойчивое состояние, вело к простой экстраполяции конъюнктуры XIX в. на XX в.

Кондратьев недооценивал глубину экономического упадка после завершения мировой войны в 1918 г. Австрия, Венгрия, Германия, Италия, не говоря уже о России, находились в состоянии революций и гражданских войн. Польша до 1921 г. вела войну с Советской Россией. Выплата репараций побежденными странами еще более подрывала экономику Центральной и Восточной Европы. Только в 1924 г. наступила стабилизация мировой экономики и кредитно-финансовой системы, продлившаяся всего 5 лет! После 1929 г. произошел развал мировой кредитно-финансовой системы золотого паритета и распад мировой конъюнктуры. Даже в главных рыночных странах – США и Великобритании – мощная волна протекционизма повлекла за собой упадок мировой торговли и усиление автаркии (см. прим. 68 на с. 228).

Даже эти страны, обладавшие наиболее устойчивым рыночным хозяйством и большим золотым запасом, девальвировали свои валюты, стремясь расширить экспорт любой ценой, и изъяли из обращения золото (см. прим. 69 на с. 228). В результате фактически исчезло всякое единство конъюнктуры цен даже между США, Англией и Францией.

Табл. 2. Соотношение конъюнктуры цен в период великой депрессии

Год	Англия	США	Франция
1929	100	100	100
1930	79,8	85,3	84,9
1931	54,4	73,5	70,6
1932	48,1	66,8	66,4
1933	49,4	48,5	66,4
1934	46	48,9	58,8
1935	47,9	51,5	60,5
1936	50,6	51,6	66,7

Еще сильнее единство конъюнктуры было подорвано в других регионах Европы. «В Центральной и Восточной Европе, где валютный контроль был обычным явлением, торговля выродилась в межгосударственные соглашения о бартере. Поскольку Германия готовилась к войне, целью экономической политики открыто провозглашалась автаркия...» (Линдси 2008: 131). Так что экстраполяция Кондратьевым конъюнктуры XIX в. на XX в. была опровергнута реальностью уже в 30-е гг. (см. прим. 70 на с. 228).

Таким образом, *повышательные и понижательные волны конъюнктуры были явлением только аграрно-индустриальной экономики XIX в., в которой индустриальная революция столкнулась с существовавшими многие века денежными средствами – драгоценными металлами – и зерновым рынком. Для XX в. главным состоянием конъюнктуры была «вековая инфляция».*

III. Некоторые итоги и выводы. Завершение Й. Шумпетером переноса модели циклов Жюгляра на большие циклы конъюнктуры

Итак, больших циклов Кондратьева не существовало никогда, а для XIX в. были свойственны большие волны конъюнктуры.

Следовательно, большие конъюнктурные волны XIX в. – это не какое-то межвековое, всеобщее явление, а исключительно присущее именно XIX в. Хотя причин, вызвавших большие волны конъюнктуры, было несколько, важнейшей из них все же была индустриальная революция (см. прим. 71 на с. 229). Совершенно неверно считать, что она проходила во второй половине XVIII в. В это время сложились только технологические предпосылки индустриальной революции: была создана паровая машина, возникла металлургия на минеральном топливе и т. д. Сама же индустриальная революция развернулась именно в XIX в., когда были созданы целые индустриальные отрасли: текстильная, металлургическая, машиностроение, железные дороги и др.

Кондратьев под влиянием ошибочной гипотезы М. И. Туган-Барановского объединил большие волны в несуществующие большие циклы. Возникавшие несоответствия были им проигнорированы. Для обоснования своей теории Кондратьев использовал крайне спорные математические методы обработки данных. В 1999 г. профессор С. Губанов провел строго математические исследования данных, использованных Кондратьевым. «Суть метода, нами предлагаемого, заключается в аналитичности, понимаемой строго математически» (Губанов 1999: 68) (см. прим. 72 на с. 229).

Методами математического анализа С. Губанов показал, что ни один показатель Кондратьева, кроме общей конъюнктуры, не дал «кондратьевских» больших циклов. За пределами России, не изучив истоки теории Кондратьева в работах Туган-Барановского, Й. Шумпетер развил инновационную теорию циклов Кондратьева. Это наполнило ее новым смыслом и дало немалое число последователей. Но основанием их построений оставалась та же ошибочная гипотеза Туган-Барановского (см. прим. 73 на с. 230).

Зависимость больших и малых циклов Шумпетер пытался раскрыть в работе «Деловые циклы» (Schumpeter 1939). Причем австрийский экономист хотел интегрировать не только «циклы Кондратьева» и циклы Жюгляра, но еще и циклы Китчина. Правда, в их существовании он сомневался. Они могут быть «волнами адаптации и включать 2 или 4 фазы, из которых депрессия и стабилизация не являются обязательными частями схемы» (Schumpeter 1939: 148). После доработок С. Кузнеця по согласию с Й. Шумпетером получалось, что циклы Кондратьева содержали 4 цикла Жюгляра.

Табл. 3. Длинные циклы Кондратьева и циклы Жюгляра по Й. Шумпетеру

Период	Фаза	1-й цикл	2-й цикл	3-й цикл	4-й цикл
Подъем	Оживление	–	1828–1844	1886–1897	–
	Процветание	1787–1800	1845–1857	1898–1911	–
Спад	Рецессия	1801–1813	1858–1869	1912–1925	–
	Депрессия	1814–1827	1870–1885	1926–1939	–

Эта таблица Шумпетера исключительно важна, так как в ней фактически завершен перенос модели циклов Жюгляра на большие циклы конъюнктуры. Таким образом, он сделал то, что не решался сделать сам Кондратьев (см. прим. 74 на с. 231).

В таблице Шумпетер сделал фазы циклов Жюгляра: оживление, процветание, рецессию и депрессию структурой больших циклов. Этим он эклектически соединил две модели циклов Жюгляра: в центре с кризисом,

но одновременно и фазами, которых у Кондратьева не было (см. прим. 75 на с. 232). Но точное копирование модели циклов Жюгляра, как и следовало ожидать, привело к абсурду. Как видно из таблицы, фазы оживления, процветания, рецессии, депрессии совсем не соответствовали продолжительности циклов Жюгляра в 7–11 лет. У Шумпетера они достигали даже 16 лет (1828–1842 гг.) и совершенно не совпадали с циклами 1896–1903 гг., 1903–1910 гг., которые выделял Кондратьев еще в 1922 г. в работе о конъюнктуре в годы мировой войны. Как мы видели выше, большинство экономистов XIX – первой половины XX вв. считали, что циклы Жюгляра имеют продолжительность в 7–11 лет.

К тому же стремление видеть источник цикличности исключительно в инновационных процессах умаляло значение таких важнейших причин цикличности, как, например, кредитно-финансовая сфера, а также пространственные сдвиги. И это при том что в 1939 г. все еще продолжалась Великая депрессия, причину которой в США многие видели именно в кредитной экспансии банков. И в этом же году началась Вторая мировая война – величайший пространственный передел в истории человечества!

В результате попытка Шумпетера детализировать теорию Кондратьева путем еще более точного копирования модели циклов Жюгляра потерпела провал.

Однако в 70-е гг. в условиях нестабильности экономической ситуации в США и Западной Европе теория теперь уже фактически Кондратьева – Шумпетера получила второе дыхание после выхода работы Г. Менша «Технологический пат» (Mensch 1979). Затем появились работы Кляйнкнехта, Ван Дейна и др. Правда, многие исследователи видели в ней уже не столько теорию циклов, сколько теорию длинных волн (см. прим. 76 на с. 232). Однако их построения не устранили фундаментальных ошибок теории Кондратьева.

Естественно, возникнет вопрос: если теория Н. Кондратьева ошибочна и больших циклов в 45–60 лет не существует, то почему она и сегодня остается весьма популярной не только в России, но и у части западных экономистов и гуманитариев? Ответ на этот вопрос достаточно прост: *теория больших циклов Н. Кондратьева эклектична*. Как и любая эклектическая теория, она соединяет в себе разнородные элементы из предшествовавших концепций. Но *это соединение не органическое, а механическое, лишь по видимости дающее приращение знаний* (см. прим. 77 на с. 232).

Эклектичность теории Н. Кондратьева очевидна даже последователям технологической теории Й. Шумпетера конца XX в. Вот оценка Я. Ван Дейна, данная в исследовании «Длинные волны в экономической жизни».

«Он признавал важность технологических инноваций и перечислял их для соответствующих фаз подъема и спада, он также знал, что подъем в длинной волне связан с ростом основных капитальных благ. Однако он не смог связать их воедино: не увидел, что инновации создают новые индустриальные сектора и потому требуют собственной инфраструктуры. Вместо этого он заимствовал у Маркса определения эховозмещающегося цикла, использовал теорию заемного капитала, рассматривая их в аспекте длинных колебаний, и пришел к искусственным построениям, которые никого не могут убедить» (Van Duijn 1983) (см. прим. 78 на с. 232).

Исключительно точное замечание. Хотя сам Я. Ван Дейн не отрицает существования длинных волн, он вынужден признать, что Н. Кондратьев не создал, насколько важно появление новых отраслей, основанных на реализации базисных инноваций. Вместо этого Н. Кондратьев использовал теорию равновесия, близкую не только К. Марксу, но и Туган-Барановскому и А. Маршаллу. И все это имело свое основание в теории динамичной конъюнктуры из циклов Жюгляра в интерпретации Туган-Барановского (см. прим. 79 на с. 233).

В результате Кондратьев совмещал большие волны, порожденные аграрно-индустриальной экономикой XIX в., и представления об инновациях как двигателе чисто индустриальных циклов. Такая эклектика выглядела привлекательной, но когда ее пытаются применить для анализа инновационной экономики XX и XXI в., естественно, возникают неразрешимые противоречия. Ведь ***большие циклы Кондратьева – результат не только инновационных изменений, порожденных индустриальной революцией, а явлений XIX в.: Наполеоновских войн, системы золотого паритета и становления мирового рынка хлебов!*** (См. прим. 80 на с. 234.)

Однако автору представляется, что есть другая причина, обусловившая до сего дня интерес к теории больших циклов. ***Главной причиной является наличие реальных длинных циклов и отсюда непреодолимая потребность в исследованиях более продолжительных экономических периодов, чем циклы Жюгляра.***

Многим экономистам, историкам, политологам представляется, что цикличность вовсе не исчерпывается циклами в 7–11 лет, что существует более продолжительная цикличность. И эти достаточно неопределенные предположения поддерживают жизнь теории больших циклов Кондратьева.

IV. Новые интерпретации теории Кондратьева: «Циклы развития современной Мир-Системы»

Итак, несмотря на глубокие внутренние противоречия и несоответствия в теории Кондратьева, многие обществоведы, прежде всего в России, упорно стремятся применить эту теорию к анализу реальности XXI в.

Можно назвать много весьма известных имен: Ю. В. Яковца, В. И. Пантина, А. В. Коротаева, Л. Е. Гринина и др.

Особого внимания заслуживает недавняя обширная работа двух последних авторов (в соавторстве с С. В. Цирелем) «Циклы развития современной Мир-Системы» (Гринин и др. 2011). В ней чрезвычайное внимание уделяется циклам Жюгляра и их отношению к «волнам Кондратьева». Это предельно плодотворное, стратегическое направление в исследовании цикличности, которое свидетельствует, что авторы работы уловили суть вопроса. Крайне интересна историография проблемы циклов Жюгляра, которую широко рассмотрели авторы «Циклов развития современной Мир-Системы».

Однако столь верной и глубокой постановке проблемы вовсе не соответствует уровень ее решения. Фактически он стоит примерно на том же уровне, что и исследование Шумпетера 1939 г. Правда, в отличие от последнего российские авторы отказались от инновационного объяснения цикличности, что вряд ли можно считать оправданным. Зато они не следуют буквально за Кондратьевым и не стремятся перенести модель циклов Жюгляра на «большие волны». Более того, они понимают, что это ничем не обосновано, и даже удивлены таким подходом Шумпетера.

Но этот факт свидетельствует только о том, что российские авторы хорошо изучили лишь главную работу Кондратьева «Большие циклы конъюнктуры», тогда как другим его работам по циклам («Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны», «Динамика промышленных и сельскохозяйственных цен») не уделили должного внимания (см. прим. 81 на с. 235). Не говоря уже о работе Туган-Барановского «Бумажные деньги и металл», в которой содержится истинный источник теории Кондратьева. Эта важнейшая работа отсутствует в обширной библиографии их исследования.

Также не уделили внимания авторы «Циклов развития современной мир-системы» важнейшей дискуссии в феврале 1926 г. по проблеме больших циклов Кондратьева (см. прим. 82 на с. 237). А как раз в ходе этой дискуссии оппонентами Кондратьева были обнаружены многие ошибки и несоответствия в его теории. В том числе было показано, что Кондратьев просто перенес модель циклов Жюгляра – Туган-Барановского на большие циклы. Более того, это была одна из важнейших претензий со стороны оппонентов (Опарина, Спектатора, Дойчера). Причем Кондратьев так и не дал каких-то внятных объяснений. Вряд ли правильно спустя 85 лет после дискуссии 1926 г. игнорировать столь важные документы, особенно для авторов, исследующих именно вопрос об отношении циклов Жюгляра и «кондратьевских волн» (см. прим. 83 на с. 237).

Также очень важна в этом отношении работа «Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны». Хотя бы потому, что только

в этой работе Кондратьев пытался практически соединить циклы Жюгляра и длинную волну 1896–1920 гг. Правда, получилось у него нечто противоречивое, так как два цикла, 1896–1903 гг. и 1904–1911 гг., продолжались 7 лет, а третий, 1911–1924 гг., – 13 лет! Более того, оказалось, что завершение кондратьевской волны в 1920 г. не совпадает с завершением цикла 1911–1924 гг. (см. прим. 84 на с. 238).

В этой же работе Кондратьева мы находим попытку понять, как повлияла конъюнктура циклов Жюгляра и длинной волны на время начала мировой войны. «...война началась, с одной стороны, когда повышательная волна большого цикла достигла чрезвычайно высокого подъема, с другой, когда повышательная волна малого цикла, достигнув кульминационной точки, стала обнаруживать признаки надвигавшегося кризиса или, по крайней мере, депрессии» (Кондратьев 2002: 323–324). Поэтому оказывается, что в работе «Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны» содержится более важная информация о том, как представлял себе отношения циклов Жюгляра и конъюнктурных волн Кондратьев, чем в работе «Большие циклы конъюнктуры!» (см. прим. 85 на с. 238).

Во многом это же можно сказать о работе 1928 г. «Динамика цен промышленных и сельскохозяйственных товаров». В этой работе, которая даже больше по объему, чем «Большие циклы конъюнктуры», Кондратьев вообще противопоставил циклы Жюгляра и конъюнктурные волны больших циклов. «Если в пределах большого цикла <...> период повышательной волны является и периодом повышения покупательной силы сельскохозяйственных товаров, то, наоборот, в пределах малого цикла период высокой конъюнктуры является периодом понижения покупательной силы сельскохозяйственных товаров.

Короткий цикл конъюнктуры является прежде всего торгово-промышленным циклом, глубоко захватывая сферу индустрии, торговли, кредита, он сравнительно слабо затрагивает сельское хозяйство» (Кондратьев 2002: 445). Из данного заключения выходит, что большие циклы и конъюнктурные волны вообще зависят от динамики сельскохозяйственных цен, тогда как циклы Жюгляра (которые Кондратьев в этой работе называет короткими, а не средними) имеют индустриальное происхождение. Таким образом, в своей последней опубликованной работе по циклам он фактически девальвировал проблему отношений циклов Жюгляра и конъюнктурных волн в силу их различного происхождения (см. прим. 86 на с. 238).

Поэтому можно сделать следующий вывод. Кондратьев не имел каких-то однозначных представлений об отношении циклов Жюгляра и конъюнктурных волн. В трех главных работах он дает разные определения этим отношениям. В работе 1922 г. по военной и послевоенной конъю-

юнктуре эти представления наиболее зрелые и четкие, но одновременно глубоко противоречивые. Но уже в «Больших циклах конъюнктуры» Кондратьев избегает конкретных примеров с датами при определении соотношения циклов Жюгляра и конъюнктурных волн. Он отделяется вербальными, мало что означающими формулировками типа: «Большие циклы экономической конъюнктуры выявляются в том же едином процессе динамики экономического развития, в котором выявляются и средние циклы с их фазами подъема, кризиса и депрессии. Средние циклы поэтому как бы нанизываются на волны больших циклов» (Кондратьев 2002: 379).

Что это означает? Что большие циклы повторяют модель циклов Жюгляра? Или они проходят через подъемы, кризисы и депрессии много раз? Но как это реально можно представить? Ведь большие циклы состоят из повышательных и понижательных волн! А что означает «нанизываются»? Очевидно, все эти ребусы нужны были Кондратьеву для того, чтобы скрыть свою неспособность решить проблему отношения больших циклов и циклов Жюгляра (см. прим. 87 на с. 240)! Неудивительно, что в своей последней работе по циклам «Динамика промышленных и сельскохозяйственных цен» Кондратьев, как мы видели, выдвигает новую версию отношения больших циклов (волн) и циклов Жюгляра: он их, по существу, разделяет! Конъюнктурные волны у него превращаются в следствия колебаний цен в аграрном секторе (см. прим. 88 на с. 241).

Но авторы книги «Циклы развития современной Мир-Системы» берут «кондратьевские волны» как нечто абсолютно доказанное, что уже по меньшей мере удивительно (см. прим. 89 на с. 243). Заметим, что в действительности проблема циклов Жюгляра вовсе не исчерпывается анализом теории Кондратьева, даже всеми его работами, работами Туган-Барановского и Шумпетера. Здесь назовем еще только два важнейших ее аспекта.

1. Прежде нужно доказать, что циклы Жюгляра – реальность, так как их уже несколько десятилетий пытаются подменить «деловыми» циклами. Причем у истоков этого движения экономической мысли стоит такой авторитетный исследователь, как У. Митчелл. Автор данной работы как раз уделяет опровержению взглядов Митчелла определенное место (см. прим. 90 на с. 243).

2. Вторая важнейшая проблема, тесно связанная с первой, – это внутренняя модель циклов Жюгляра. Обе проблемы между собой связывают так называемые промежуточные спады. Так, в цикле 1827–1837 гг. был промежуточный спад 1830–1831 гг., в цикле 1908–1914 гг. – спад 1910–1911 гг., в цикле 1959–1967 гг. – спад 1961 г., и т. д. Решений этой проблемы несколько. Так, Митчелл считал, что циклов Жюгляра нет, а есть отдельные 3–4-летние циклы. Дж. Китчин также предполагал, что есть такие циклы (циклы Китчина), сам Жюгляр и ряд других экономистов дума-

ли, что кризис находится в центре цикла, а промежуточные спады есть начало и конец всего цикла (см. прим. 91 на с. 244).

Автор этой работы открывает причину промежуточных спадов. Она состоит в том, что циклы Жюгляра различны. Именно в силу этого возможны промежуточные спады. Например, цикл роста и после своего завершения кризисом продолжает воздействовать на сменявший его цикл инновации. Типичный пример: современный цикл инноваций 2010–2017 гг., на котором несколько лет (2010–2012 гг.) сказываются последствия кризиса 2008–2009 гг., завершившего цикл роста 2002–2009 гг. (см. прим. 92 на с. 244).

Причиной того, что авторы работы «Циклы развития современной Мир-Системы» исследовали не все проблемы циклов Жюгляра, было их стремление опереться на теорию мир-системы И. Валлерстайна. Таким образом, работа российских авторов – это своего рода синтез теорий Кондратьева и Валлерстайна. Вероятно, по мысли авторов, такой синтез должен был дать более солидное основание для теории Кондратьева (см. прим. 93 на с. 246).

Однако концепция мир-системы Валлерстайна фактически столь же проблематична, как и теория Кондратьева. А потому вряд ли может служить дополнительным доказательством существования кондратьевских циклов (см. прим. 94 на с. 247). Скорее наоборот, сам Валлерстайн использовал в своих теоретических построениях теорию Кондратьева. Он игнорировал вопросы: как возникла эта теория, каковы ее теоретические предпосылки, не говоря уже о таких вопросах, как отношения модели циклов Жюгляра и циклов Кондратьева.

Фактически вся теория мир-системы Валлерстайна представляет собой набор жестких схем, практически не изменяющихся во времени. Вот их примеры: мир-система, север – юг, капитализм и рынок и т. д. К числу этих жестких схем Валлерстайна относятся и циклы Кондратьева. И это несмотря на то что он считал важным исторический подход. В этой связи Валлерстайна можно считать теоретическим последователем Гегеля и Маркса. Оба этих мыслителя также уделяли огромное значение историческому подходу, но оба, тем не менее, грешили чрезмерным схематизмом.

Еще больше объединяет концепцию мир-системы с теориями Гегеля и Маркса полное пренебрежение пространственным анализом. Так, у Валлерстайна, как и у Маркса, отсутствует проблема цивилизаций. В противоположность и по контрасту с ними другая группа исследователей – О. Шпенглер, А. Тойнби, С. Хантингтон – уделяла особое значение пространственному анализу. Понятно, что оба подхода страдают односторонностью. Схематизм Валлерстайна как раз и нужен, чтобы скрыть отсутствие пространственного анализа мировой системы (см. прим. 95 на с. 247). Вот наиболее конкретные примеры. В XVI–XVII вв. собственно мир-

системы не было. Наоборот, существовали отдельные, практически независимые мировые цивилизации.

1. Мусульманская цивилизация в границах двух империй: Османской империи и империи Каджаров в Иране (прим. 96 на с. 247).

2. Империя Мин и сменившая ее империя Юань в Китае¹⁰.

3. Империя Великих Моголов в Индии.

4. Четвертой из мировых была европейская цивилизация. Захват и освоение ею Америки на протяжении XVI–XVII вв. означал пространственное расширение. Но, в свою очередь, сама Европа в эти века потеряла важнейшие территории в результате экспансии Османской империи. Более 100 лет турки стояли в центре Европы, в Венгрии и Австрии! (см. прим. 97 на с. 248).

Схема мир-системы применительно к XVI–XVII вв. совершенно обедняет картину мирового развития. Наоборот, теория цивилизаций глубже и точнее раскрывает содержание эволюции человечества. То же самое можно сказать о следующих веках. Например, в XX в. схема теории мир-системы совершенно игнорирует такой важнейший феномен, как империализм (см. прим. 98 на с. 248). А ведь в начале XX в. наличие империй и империализма было очевидным практически для всех. Первую мировую войну сразу считали (и сегодня считают!) империалистической.

И снова вопрос: можно ли назвать мир империй мир-системой (см. прим. 99 на с. 248)? Попробуем поставить данный вопрос иначе, перефразируя Ленина: что является высшей стадией развития капитализма? Сегодня очевидно, что не империализм. Высшей стадией капитализма следует назвать глобализм, глобализацию. Именно это понятие успешно заменяет понятие мир-системы. Его преимущество в том, что глобализация отражает изменения в мире как во времени, так и в пространстве. Следовательно, оно намного более гибкое. В связи с этим мировую эволюцию XX в. можно представить как смену империализма (1900–1930 гг.) периодом глобальных проектов (1930–1991 гг.) и собственно глобализацией с 1991 г.

Применение же теории мир-системы к объяснению эволюции XX в. приводит к казусам. Так, считая ее основой борьбу США и Германии за гегемонию, И. Валлерстайн пишет: «Кульминацией этой борьбы явилась Тридцатилетняя война, шедшая с 1914 по 1945 год, и закончившаяся победой Соединенных Штатов. За ней последовал период подлинной гегемонии, продолжавшийся с 1945 до 1967/1973 годов» (Валлерстайн 2004: 77). Удивительно, но Валлерстайн не признает реальную многолетнюю борьбу американского и коммунистического глобальных проектов (как и холодную войну!), но зато придумывает мифическую «Тридцатилетнюю войну» США и Германии! Вот до чего доводит схематизм (см. прим. 100 на с. 248)!

¹⁰ Здесь ошибка. Империя Мин сменила Юань, а Мин была сменена Цинь. – *Прим. отв. ред.*

Собственно циклы мир-системы представляются как в 2 раза увеличенные циклы Кондратьева: 100–120 лет, что является еще одной схемой, весьма далекой от жизненных реалий. Достаточно сказать, что «переходные периоды» внутри эти суперциклов могут достигать десятков лет! Так, по Валлерстайну, начало борьбы за гегемонию между США и Германией нужно отнести аж к 1873 г., а продолжалась эта борьба до 1945 г. Вот и посчитайте. Оказывается, «переходный период» занял в суперцикле 72 года, а зрелая гегемония – около 25–28 лет! Так же понимаются и кондратьевские циклы, где переходные периоды составляют по 10–15 лет. В голове сразу же возникает вопрос: а можно ли это вообще назвать циклами? Ведь именно за это 85 лет назад Кондратьев беспощадно критиковался (см. прим. 101 на с. 249). Да и не только он. Неопределенность границ больших циклов и волн всегда признавалась ахиллесовой пятой подобных теорий.

Потому теория мир-системы скорее делает теорию больших циклов Кондратьева еще более виртуальной. Единственное, что она добавляет, – это громкое имя: тандем Кондратьев – Валлерстайн выглядит более внушительно. А так как лишь единицы из читателей смогут осилить «Циклы развития современной Мир-Системы», а вникнуть в проблематику этой работы и того меньше, то тандем Кондратьев – Валлерстайн уже гарантия признания (см. прим. 102 на с. 249).

Наконец, рассмотрим еще один важный аргумент, приводимый сторонниками теории Кондратьева. Он состоит в поиске циклов Кондратьева в конъюнктуре XX в., выраженной в золотых ценах. На него опираются авторы «Циклов развития современной Мир-Системы», в частности, на расчеты С. Щеглова. При таком подходе игнорируется историческая эволюция мировой денежно-финансовой системы и факт того, что золото уже несколько десятилетий не является деньгами (1972–1973 гг.) (см. прим. 103 на с. 249).

Автор данного исследования как раз уделил значительное внимание эволюции денежно-кредитной системы. Было показано, что постепенно золото теряло основные функции денег. Уже в начале XX в. все меньше золотых монет было в обращении. Их заменяли бумажные деньги и безналичный расчет (в частности, чековый). Таким образом, **сначала золотом утрачивалась функция средства обращения**. После Первой мировой войны этот процесс был признан официально в 1922 г. на Генуэзской конференции. В результате был осуществлен переход от золотомонетной системы к золотодевизной.

Фактически это означало, что **золото теряло и функцию меры стоимости**, так как после выхода из непосредственного товарного обращения в качестве монет в нем перестали выражаться товарные цены. Этот процесс получил завершение в начале 30-х гг. с углублением Великой де-

прессии. Так, в США золото было изъято из обращения и сконцентрировано в государственных хранилищах (Форт-Нокс). После этого за золотом сохранялись две тесно взаимосвязанные функции: орудия расчетов и мировых денег. Они были закреплены в новой кредитно-финансовой системе – Бреттон-Вудской (1944 г.). При этом бумажные доллары были признаны равным золоту денежным материалом! Официально тройская унция золота (31,1 г.) стоила 35 бумажных долларов.

Так что уже с 30-х гг. XX в. золото вряд ли точно отражало движение мировой конъюнктуры. А на рубеже 50–60-х гг. начался кризис Бреттон-Вудской финансовой системы. Уже в 1960 г. известный экономист П. Самуэльсон, советник президента Кеннеди, предложил поднять цену золота. Это отражало несовместимость золота и бумажного доллара как двух равных денежных материалов. Но вплоть до 70-х гг. официальные власти США стремились поддержать статус-кво. Тот же П. Самуэльсон в 1968 г. выступил уже с радикальным предложением поднять цену золота в 2 раза. Наконец, летом 1971 г. обмен золота на доллары был приостановлен, а затем на Ямайской финансовой конференции (1978 г.) полностью отменен.

Таким образом, золото потеряло две свои последние функции: орудия расчета и мировых денег. Заметим, что в 70–80-х гг. раздавалось немало голосов за восстановление золотого паритета (особенно из Франции). Даже в начале 80-х гг. были попытки широкомасштабных продаж золота для поддержания курсов валют. Но они ничего не дали. *Золото заменил плавающий курс валют, который и существует сегодня.* Правда, золото сохраняет функцию сокровища, но она без других денежных функций не может сделать золото деньгами. Например, картины знаменитых художников также имеют функцию сокровищ, но деньгами отнюдь не являются. Поэтому исчисление цен в золоте не более чем игра в статистику. Время золота ушло. Уже недалек час, когда бумажные деньги сменятся электронными деньгами.

V. Настоящие длинные циклы

Существуют ли более длинные циклы, чем циклы Жюгляра? Например, могут ли циклы в 7–11 лет объединяться в более длинные?

Ответ на этот вопрос должен быть положительным. Более того, факт смены повышательной и понижительной конъюнктуры в XIX в. – одно из свидетельств наличия более длинных индустриальных циклов, чем циклы Жюгляра. Однако далеко не единственное и не основное. *Важнейшей причиной, объединяющей циклы Жюгляра в длинные циклы, является инновационный характер индустриальной экономики. Исследователи стремились найти длинные циклы как нечто отличное от циклов Жюгляра* («Большие циклы» Кондратьева – типичный пример). *На самом деле они состоят из трех циклов Жюгляра.* Длинные циклы начинаются

первым циклом, а заканчиваются третьим. Так, длинный цикл 1816–1848 гг. состоит из трех циклов Жюгьяра: 1816–1826 гг., 1827–1837 гг., 1838–1848 гг. (см. прим. 104 на с. 249).

1. Различия коротких циклов роста, инновации и сдвига. Длинные циклы как основа цикличности

Обычно циклы Жюгьяра рассматриваются как нечто монотонно повторяющееся, как переход от кризисов к подъемам и, наоборот, как однотипные «деловые» циклы. Из-за кажущейся исторической и хозяйственной монотонности изучение цикличности представляется бесперспективным занятием. Неудивительно, что исследование циклов Жюгьяра экономисты стремятся подменить изучением или более длинных (например, циклов Кондратьева), или более коротких 3–4-летних циклов (см. прим. 105 на с. 250).

В действительности, *именно при изучении циклов Жюгьяра можно сделать открытие фундаментальной важности*. Главной причиной индустриальной цикличности является непрерывность инновационного процесса, вызывающая технологические сдвиги. Но циклы Жюгьяра несут различную нагрузку в инновационных процессах (см. прим. 106 на с. 250). Так, в цикле 1816–1826 гг. происходил быстрый рост текстильного производства на освоенных в начале XIX в. технологиях. Тогда как в цикле 1827–1837 гг. длительная депрессия ускорила инновационное внедрение новых технологий в ткачестве, металлургии и железнодорожном строительстве.

Наконец, в цикле 1838–1848 гг. происходили хозяйственные, политические и пространственные сдвиги. Англия достигла большого прогресса в индустриализации: ее территория покрылась железными дорогами. Резко возросла внешняя экспансия: Англия начала Опиумные войны в Китае, а внутри страны развернулось движение чартистов. В то же время главные страны Европы охватила революционная волна 1848 г. (см. прим. 107 на с. 251).

Не менее определенно отличались следующие три цикла. Снова в цикле 1849–1857 гг. наблюдался быстрый количественный рост в Англии уже возникших отраслей, в 1858–1866 гг. происходили технологические сдвиги в текстильной отрасли, в металлургии, машиностроении и станкостроении, в цикле 1867–1873 гг. протекали политические сдвиги, произошла Франко-прусская война и возникла Германская империя (см. прим. 108 на с. 251).

Итак, три коротких цикла не самостоятельны, а объединяются в один длинный, в котором они играют различную роль: *циклов роста, инноваций и сдвига*. Мы можем сделать и другой важный вывод. *Циклически развивается не только экономика (как думали многие экономисты,*

в том числе Шумпетер), но и политика. А в циклах сдвига и частично в циклах инноваций политические процессы могут быть определяющими (см. прим. 109 на с. 251).

Важность цикличности для политических процессов вполне осознавал уже К. Маркс. После революции 1848 г., которой закончился цикл 1838–1848 гг., Маркс ожидал новых потрясений в конце следующего короткого цикла, пришедшегося на 1849–1857 гг. Но их не было. Следующий социальный взрыв в виде Парижской коммуны произошел во Франции только в 1870–1871 гг.¹¹ Он являлся прямым следствием европейского политического кризиса – Франко-прусской войны.

И в 1848 г., и в 1871 г. подходили к концу не только короткие циклы сдвига 1838–1848 гг. и 1867–1873 гг., но и длинные циклы 1816–1848 гг. и 1849–1873 гг. Завершил XIX в. длинный цикл 1874–1900 гг. Он также состоял из циклов роста 1874–1883 гг., инноваций 1884–1892 гг., сдвига 1893–1900 гг.

Итак, *короткие циклы входят в длинные циклы: основное звено цикличности в индустриальную и постиндустриальную эпоху*. Таким образом, несмотря на ошибочность теории больших циклов конъюнктуры, смещение Кондратьевым акцента исследования на длинные циклы сыграло важную роль в развитии циклической теории.

2. Как работает механизм длинного цикла?

Как работает механизм длинных циклов, мы вполне можем представить.

В цикле роста еще реализуется инновационный потенциал прошлого длинного цикла (см. прим. 110 на с. 253). Но уже появляются новые технологии, хотя ведущая роль принадлежит кредитно-финансовой системе (см. прим. 111 на с. 253). Когда исчерпан старый инновационный потенциал, грядут острый кредитно-финансовый кризис и депрессия, принуждающие внедрять базисные инновации (см. прим. 112 на с. 254).

Главной причиной кризиса и депрессии является падение роста производительности труда в цикле роста. Но если в цикле инноваций депрессия затягивается, то это означает, что производительность труда еще не растет. Другими словами, нет иного выхода из кризиса, завершившего цикл роста, кроме внедрения базисных инноваций. Только они дают толчок росту производительности труда и расширению емкости рынка (см. прим. 113 на с. 255). Следовательно, ситуация, сложившаяся в текущем цикле инноваций 2010 – около 2017 гг., когда после кризиса затягивается депрессия, типична. Как видно на Рис. 11, это было характерно для двух последних циклов роста и инноваций (см. прим. 114 на с. 255).

¹¹ Парижская коммуна, напомним, имела место не в 1870–1871 гг., а в 1871 г. – с 18 марта по 28 мая. – *Прим. отв. ред.*

Рис. 11. Падение темпов роста производительности труда в экономике США с середины циклов роста 1949–1958 гг., 1975–1982 гг. и в начале циклов инноваций. Особенно наглядно это видно в обрабатывающей промышленности

Источник: Самуэльсон, Нордхаус 1997: 689.

Так развертывается цикл инноваций. Он – центральное звено длинного цикла. Но базисные инновации требуют значительных инвестиций и дополнительных рынков сбыта, что влечет за собой пространственные и военно-политические сдвиги. Они могут начинаться уже в середине цикла инноваций, а зарождаются даже в его начале. Именно поэтому рост новых технологий нередко соединяется с ростом военных конфликтов. Так было в циклах инноваций 1858–1866 гг., 1883–1892 гг., 1908–1914 гг., 1931–1938 гг., 1958–1966 г., 1983–1991 гг. (рейганомика), наконец, в настоящем цикле инноваций 2010 – около 2017 гг. мы видим обострение политического положения на всем Ближнем Востоке (см. прим. 115 на с. 255).

В циклах сдвигов происходят глубокие изменения в экономике. Инновационные отрасли быстро расширяются, изменяя отраслевую структуру хозяйства. Одновременно могут происходить глубокие пространственные и политические сдвиги. Типичный пример – последний цикл сдвига 1992–2001 гг., когда наряду с быстрым ростом информационных технологий, Интернета и распадом СССР возникла глобальная экономика (см. прим. 116 на с. 256).

Особенно ясно этот механизм работал в длинных циклах 1901–1921 гг. и 1975–2001 гг. Но вполне отчетливо – уже в длинном цикле 1816–1848 гг.

Так, в цикле 1827–1837 гг. длительная депрессия 1826–1832 гг. подтолкнула к ускоренному внедрению инноваций. Важнейшей из них было начало широкого строительства железных дорог и ускорение развития машиностроения. Если в 1826 г. протяженность железных дорог в Англии была всего 25 км, то в 1838 г. их протяженность уже приблизилась к 1000 км. Одновременно стремительно развивалось речное пароходство, и к 1836 г. в Англии насчитывалось более 600 пароходов, а в США к 1840 г. – более 1000. В результате второе дыхание получало сооружение каналов (см. прим. 117 на с. 256).

Но в этом цикле произошли и другие важнейшие качественные изменения. Ручное ткачество было вытеснено машинным, стремительно развивалась металлургия, рост которой не прекратился даже в период циклического кризиса в 1825–1826 гг. Таким образом, ***в циклах инноваций происходят глубокие качественные изменения в экономике, поэтому их еще можно определить также как циклы качества.***

К этому важно добавить, что различия между короткими циклами не являются абсолютными. В циклах роста могут развиваться улучшающие инновации, а в циклах инноваций – рост и сдвиги, особенно в сопутствующих отраслях. Так, железнодорожное строительство повлекло за собой развитие телеграфа. Стремительно телеграфная связь формировалась уже не столько в цикле инноваций, сколько в цикле сдвига 1838–1848 гг. и роста 1849–1857 гг. Но такие важнейшие проекты, как прокладка океанического телеграфного кабеля между США и Англией, пришлось на цикл инноваций 1858–1866 гг.

Именно ***определенная размытость различий между короткими циклами создает иллюзию, что короткие циклы однородны***, тогда как циклы инноваций являются центральным звеном длинных циклов. К тому же в некоторых длинных циклах (1874–1900 гг., 1949–1975 гг.), действительно, циклы сдвига не были выражены предельно ясно, но глубинные сдвиги в них происходили. Возвращаясь к теории Н. Кондратьева, можно увидеть, что «понижительная» часть первого большого цикла Кондратьева почти совпадала с реальным длинным циклом 1816–1848 гг., «повышательная» часть второго большого цикла совпадала с реальным длинным циклом 1849–1873 гг. и т. п. Но это были не части больших циклов конъюнктуры в 50–60 лет, а самостоятельные длинные циклы.

Следовательно, ***конъюнктура длинных циклов (вроде цикла 1816–1848 гг., цикла 1849–1873 г., и т. д.) действительно могла отличаться. Но это не было причиной соединять два цикла в один.*** Длинные циклы 1849–1873 гг. и 1873–1900 гг. были равноценными длинными циклами по

отношению друг к другу. Также были самостоятельными и следующие два длинных цикла: 1901–1921 гг. и 1922–1948 гг. Ни эти, ни вышеназванные два длинных цикла не составляли единого большого цикла конъюнктуры, как это казалось Кондратьеву. Тем более не входили в большой цикл периоды 1789–1814 гг. и 1815–1848 гг. (см. прим. 118 на с. 256). Первый был заполнен многолетними войнами и завершал земледельческую эпоху, а второй открывал индустриальную эпоху. Их соединение в большом цикле ничем не обосновано (см. прим. 119 на с. 256).

Как известно, Й. Шумпетер еще в начале XX в. разработал теорию экономического развития (Шумпетер 1982). Цикличность он объяснял внедрением инноваций, называя их «новыми комбинациями». Но Шумпетер преувеличивал фактор психологии в экономике. Многие инновации вызваны объективными причинами: падением роста производительности труда, вздорожанием сырья, усилением конкурентности рынков и т. д. Так, вздорожание нефти и газа неизбежно влечет поиски альтернативных источников энергии, истощение рудных запасов ведет к созданию инновационных материалов-заменителей и т. д.

Итак, в теории длинных индустриальных циклов соединяются периодические циклы, исследованные еще К. Жюгларом, М. И. Туган-Барановским, Ж. Лескюром, А. Афталионом, и длинные полуциклы теории Н. Д. Кондратьева, интегрированные идеями Й. Шумпетера об инновациях как внутренней причине цикличности. Когда инновации стали фактором постиндустриальной экономики, тогда и были сформулированы более четко инновационные причины цикличности (Mensch 1979) (см. прим. 120 на с. 256).

Хотя значение инноваций как решающей причины цикличности неоспоримо, автор данного исследования считает таковыми еще две. Это кредитно-финансовая сфера глобального рыночного хозяйства и пространственные сдвиги, которые оказывали громадное влияние на эволюцию цикличности на протяжении всего XIX в. (см. прим. 121 на с. 257). Теперь рассмотрим характерные черты циклов сдвигов, инноваций и роста непосредственно на исторических и современных примерах. Множеству противников теории циклов будет труднее опровергнуть новую теорию.

3. Когда начинаются длинные циклы? Циклы сдвига. Политическая цикличность по Дж. Гаттеи

Внешне может показаться, что таким образом выделенные длинные циклы достаточно проблематичны. Однако они не только весьма близки к большим колебаниям конъюнктуры в XIX в., как те обозначены у Кондратьева (например, 1873–1896 гг. и 1874–1900 гг.; и т. п.), но и имеют совершенно определенные начало и конец, а значит, нет проблем пресловутой «поворотной точки». Границы длинных циклов почти всегда видны

даже непрофессиональным исследователям. И тем более они очевидны экономистам, историкам, социологам и другим обществоведам.

Например, начало индустриальной цикличности именно с 1816 г. обусловлено не только стремительным развертыванием индустриализации в 20–30-е гг., но и глубочайшим изменением политического состояния Европы после окончательного военного поражения Наполеона при Ватерлоо (см. прим. 122 на с. 257). Также вполне определенно можно говорить о конце длинного цикла 1816–1848 гг., как из-за сдвигов в экономике Англии и весьма глубокого кризиса 1847–1848 гг., так и по причине общеевропейского политического кризиса 1848 г.

Но экономические и политические сдвиги, проявившие себя в 1848 г., были одновременно и началом следующего длинного цикла – 1849–1873 гг. Соответственно, завершение последнего также имеет вполне очевидную дату: 1873 г. Хотя в этом году произошел только экономический кризис, переросший затем в депрессию, ему предшествовали события 1870–1871 гг.: Франко-прусская война и Парижская коммуна.

Следовательно, хотя длинные циклы имеют вполне отчетливые границы во времени, важно видеть циклы сдвига, завершающие длинные циклы, в целом, а не только их финальные события типа революции 1848 г.

Это ясно на примере длинного цикла 1874–1900 гг. В 1900 г. не произошло ни крупных войн, ни грандиозных революций, ни даже слишком глубокого экономического кризиса. Перелом большой конъюнктурной волны также произошел ранее: в 1896 г. И тем не менее 1900 г. завершил не только длинный цикл 1874–1900 гг., но и нечто большее: целый период становления индустриального общества 1816–1900 гг.

Причина особого значения 1900 г. кроется в структурных сдвигах, которые были характерны для всего цикла сдвига 1893–1900 гг. В этом цикле произошел стремительный рост индустриальных отраслей: металлургии, угледобычи, электротехники, химического производства, а с ними и городов. Экономика Англии, Германии, США, Франции изменилась качественно, превращаясь из аграрно-индустриальной в индустриально-аграрную (см. прим. 123 на с. 258).

В этом и состоит сущность экономического сдвига, который пережили ведущие индустриальные страны. Завершение цикла сдвига сопровождалось и пространственными сдвигами, выразившимися в ряде войн: англо-бурской, Американско-испанской и др. Очевидность социально-политических сдвигов, характерных для завершения длинных циклов, еще в 70–80-е гг. XX в. выявили итальянские политологи левого направления.

В частности, Дж. Гаттеи в работе с характерным названием «Каждые 25 лет?..» (Gattei 1989) сконцентрировал исследования на том факте, что именно через 25 лет происходят мощные социальные взрывы. Так, Дж. Гаттеи их выявил на протяжении более чем 100 лет: в 1847–1849,

1868–1873, 1893, 1919–1921, 1946–1949 и 1968 гг. Нетрудно увидеть, что хотя перечисленные даты имеют несколько искусственный характер, тем не менее все они приходится на циклы сдвигов, завершающие длинные циклы. Отсюда и срок в 25 лет, представляющий среднюю продолжительность длинных циклов в 21–30 лет (см. прим. 124 на с. 258).

Предельно очевидной доминанта политических потрясений в циклах сдвига проявилась в первой половине XX в., когда в двух следующих друг за другом циклах сдвига 1914–1921 гг. и 1939–1948 гг. разразились две мировые войны.

Но как было показано выше, одни военные-политические события не могут полностью обозначить завершающие фазы длинных циклов. Большое значение играют экономические сдвиги, нередко даже более важные, чем военные и социальные (см. прим. 125 на с. 258). Другими словами, далеко не всегда в циклах сдвигов решающее значение имеют именно политические сдвиги. Особенно показателен в этом отношении последний цикл сдвига 1992–2001 гг. Главным его событием было как стремительное расширение инновационных кластеров, так и формирование глобальной экономики.

4. Обзор циклов роста. 1816–2009 гг.

Итак, циклы сдвига имеют только им свойственные признаки. Но то же самое можно сказать и о циклах роста. Их название вытекает из того факта, что в этих циклах действительно наблюдается экономический рост, но всегда с сильной инфляционной составляющей и без заметных качественных изменений. Поэтому их можно назвать также циклами количественного роста (см. прим. 126 на с. 258). Особенно важную роль играют в них кредитно-финансовые структуры. Эти черты циклов роста вполне проявились уже в первом цикле Жюгляра 1816–1825 гг. Это был послевоенный цикл, которому предшествовал сильный послевоенный кризис 1815 г. Едва возникшая английская индустрия развернула в 1814–1815 гг. торговую экспансию, столкнувшись с крайне низкой платежеспособностью разоренных длительной войной европейцев.

Следствием стали быстрое падение цен военно-инфляционной экономики и кредитно-денежная экспансия. Так, за 1817–1818 гг. в Англии было размещено займов на сумму в 38 млн ф. ст. Свой расширяющийся экспорт Англия сама же и финансировала посредством займов. Еще в большей степени кредитно-финансовая экспансия развернулась в завершающей стадии цикла 1816–1825 гг. Особенно большие объемы кредитов были направлены в Аргентину и в Южную Америку в целом. Английские займы в 1924–1925 гг. снова достигли 37 млн ф. ст. В таких условиях начался рост цен, хотя в целом после 1815 г. было характерно их быстрое снижение. За 1824–1825 гг. цены выросли на 25–30 %. В Англию хлынул

поток южноамериканских ценных бумаг, которые к концу 1825 г. стремительно обесценивались. Разорилось около 80 банков (см. прим. 127 на с. 259).

В следующем цикле роста 1849–1857 гг. развертывание кредитно-денежной системы также играло исключительную роль. Именно в этом цикле началась «золотая лихорадка», результатом которой стал стремительный рост золотого обращения. Неудивительно, что именно США стали эпицентром финансового кризиса 1857 г., так как именно в Калифорнии особенно быстро росла добыча золота. В значительной мере сокращение его добычи в 1856 г. и дало толчок к резкому обострению финансовых противоречий. Однако не только за счет золота и серебра росла денежная масса. Именно в цикле 1849–1857 гг. произошел огромный рост вексельного обращения и массы ценных бумаг. Особенно большой размах приобрела организация акционерных обществ во Франции и Германии. Символом спекуляций ценными бумагами был французский «Credit Mobilier». Только за 1852–1855 гг. курсы акций во Франции выросли в 3 раза.

Снова важной чертой цикла стал рост цен в конце циклического подъема. Так, на протяжении 1856–1857 гг. хлопок подорожал на 37 %, пряжа на 30 %, шерсть на 50 % и т. д. Хотя с наибольшей силой кредитно-денежный кризис проявился в октябре 1857 г. в США, парализовав всю банковскую систему, его символом все же было банкротство «Credit Mobilier» (см. прим. 128 на с. 259). Острое проявление кризиса испытали ряд торгово-финансовых фирм Германии (Гамбург, Вена и др.) и Шотландии.

Следующий цикл роста 1874–1883 гг. может показаться не слишком типичным. Но это если только обращать внимание на конъюнктуру, как делал Кондратьев (прим. 129 на с. 260). В действительности для этого цикла роста были характерны те же процессы, что и для других. «С 1873 по 1878 г., еще до наступления очередного периода лихорадочного роста кредита, совокупный объем банковских денег увеличился с 1,964 млрд до 2,221 млрд долларов, то есть на 13,1 % или на 2,6 % в год. Короче говоря, никакого не сжатия, а совершенно явного, хотя и умеренного роста. Отсюда ясно, что «великая депрессия» 70-х гг. – просто миф, порожденный тем фактом, что на протяжении всего десятилетия имело место значительное падение цен» (Ротбард 2005: 156) (см. прим. 130 на с. 260).

Таким образом, мы видим типичный процесс для циклов роста, когда в экономику вливались значительные массы денежных средств. И это в фазе депрессии и оживления. С началом подъема денежная масса росла еще быстрее. «Некоторые историки объясняют бум 1879–1882 гг. <...> притоком золотых монет в страну, который вырос со 110,5 млн долларов в 1879 г. до 353,8 млн долларов в 1882 г., но бум не мог бы принять таких масштабов, если бы не ретивость национальной банковской системы, на-

растившей объем депозитов с 2,149 млрд долларов в 1879 г. до 2,777 млрд долларов в 1882 г., то есть на 29,2 % или на 9,7 % в год. Индекс оптовых цен поднялся с 90 в 1879 г. до 108 тремя годами спустя, то есть, на 22,5 %...» (Ротбард 2005: 163).

Наряду с США значительные масштабы расширения финансового рынка и рынка ценных бумаг на протяжении цикла происходили во Франции. Причем финансовый кризис здесь наступил несколько раньше, чем в США. На этот раз его символом был еще один французский банк – “Union Generale”. В США крах на бирже разразился в мае 1884 г. Следовательно, цикл роста 1874–1883 г. имел вполне типичные черты (см. прим. 131 на с. 260).

В меньшей степени мы можем это сказать о циклах роста XX в. Но прежде отметим выявленные типичные черты. Это рост кредитно-денежных инструментов на протяжении всего цикла, рост цен, часто в завершающей стадии цикла, рост массы ценных бумаг и размеров биржевых спекуляций, сильные кредитно-финансовые и биржевые кризисы, нередко перерастающие в банковские крахи, и вместе с тем значительный хозяйственный рост реального сектора. Еще одной типичной чертой циклов роста было незначительное влияние политических процессов (см. прим. 132 на с. 261).

В XX–XXI вв. США превратились в единственного циклического лидера и потому почти все циклы роста имели типичные черты именно в их экономике. Так, 4 цикла роста из 5 закончились сильными потрясениями кредитно-финансовой системы: в 1907, 1929, 1982 и 2008 гг. Лишь в цикле роста 1949–1957 гг. типичные черты проявились в более мягких формах. Однако этот цикл был серьезно деформирован войной в Корее 1950–1953 гг., стимулировавшей значительное повышение цен и рост денежной массы уже в начале цикла. Особенно показателен тот факт, что даже в укороченном цикле роста 1904–1907 гг. (из-за пролонгации цикла сдвига 1893–1903 гг.) ярко проявились типичные черты. Так, крайне острым был кредитно-финансовый кризис 1907 г., когда многие американские банки прекратили платежи. Только личное вмешательство крупнейшего американского финансиста и бизнесмена Моргана остановило процесс распада американской экономики.

Но уже следующий цикл роста 1922–1930 гг. закончился глубочайшим в мировой истории крахом кредитно-финансовой системы (см. прим. 133 на с. 261). Далее мы рассмотрим причины этого более детально. Здесь же уместно подчеркнуть, что столь разрушительными кризисы 1907 и 1929 гг. были, конечно, не случайно. Они происходили по причине перехода экономики США в индустриально-аграрную стадию развития (см. прим. 134 на с. 262).

Цикл роста 1949–1957 гг. отличался достаточно высоким ростом реального сектора экономики США и мягким проявлением типичных негативных черт, присущих циклам роста. Во многом это было последствием Второй мировой войны, а также результатом создания Бреттон-Вудской

финансовой системы. Рост цен был значительным только в годы Корейской войны, рынок ценных бумаг не получил существенного развития, финансовый кризис почти не ощущался. Это означало, что экономика США преодолела диспропорции индустриально-аграрного периода своей эволюции и достигала уровня индустриальной зрелости. Полное достижение зрелости произошло в цикле инноваций 1958–1967(70) гг.

Неудивительно, что следующий цикл роста 1975–1982 гг. был началом совершенно иного периода в эволюции экономики США, когда индустриальная экономика стала сменяться постиндустриальной. Одним из важнейших проявлений этого процесса было крушение Бреттон-Вудской финансовой системы, что оказало огромное влияние на состояние кредитно-финансовой системы (см. прим. 135 на с. 262). Далее этому циклу посвящен отдельный раздел.

Цикл роста 2002–2009 гг.

Наконец, рассмотрим последний завершившийся цикл роста 2002–2009 гг. К удивлению автора, *именно этот цикл, фактически относящийся уже к постиндустриальной эпохе, можно считать классическим циклом роста!* Данный факт говорит только об одном: цикличность, возникшая в 10–20 гг. XIX в., даже в XXI в. полностью сохраняет свою актуальность. А деление циклов Жюгляра на циклы роста, инноваций и сдвигов продолжает играть огромное значение и в глобальной экономике.

И действительно, в цикле 2002–2009 гг. мы видим все типичные черты циклов роста: значительный рост реальной экономики, стремительный рост кредитно-денежных инструментов и рынка ценных бумаг, значительный рост цен, особенно на энергоносители и продовольствие, самый сильный кредитно-финансовый и биржевой кризис, завершивший цикл в 2008–2009 гг. Стремительный рост цен начался в 2003 г. и завершился в июле 2008 г. Так, цена на нефть в 2008 г. сначала впервые превысила 100 долларов, а затем в июле достигла рекордных за всю историю 147,27 долларов за баррель марки WTI.

Обвал фондового рынка в октябре 2008 г., например, для Японии был рекордным за всю историю. Потери только в сфере недвижимости в США составили почти 5 трлн долларов. Был и свой символ у финансового кризиса. Это банк “Lehman Brothers”, просуществовавший 158 лет, но 15 сентября 2008 г. заявивший о банкротстве. Только выделение правительством США 250 млрд долларов для покупки акций крупнейших банков, означавшее крупнейшую в истории США национализацию банков, приостановило разрушение финансового сектора. Но ценой стал рост государственного долга США, достигшего почти 15 трлн долларов, что почти равно ВВП США. В Европейском сообществе финансовый кризис оказался пролонгирован в следующий цикл инноваций, начавшийся в 2010 г., и будет преодолен только в 2012 г.

Глубина кризиса в цикле роста 2002–2009 гг., напоминающая кризисы 1907, 1929, 1982 гг., отражает противоречия американской модели глобализации. Вместе с тем в цикле 2002–2009 гг. отразилось падение темпов роста производительности труда в сравнении с темпами цикла 1992–2001 гг.: «...после всплеска в 1995–2002 гг. темпы роста производительности труда в несельскохозяйственных отраслях США сократились. Так, рост почасовой производительности достиг максимума в 2002–2003 гг., превысив 4 % по итогам четырех кварталов, а к первому кварталу 2007 г. он снизился до 1 %» (Гринспен 2008: 447). Заметим, что таким низким темп роста производительности труда и оставался на протяжении 2007–2008 гг., что типично для циклов роста (см. прим. 136 на с. 263).

Основная же проблема состоит в том, что вновь достичь высоких темпов производительности труда в цикле инноваций 2010 – около 2017 гг. будет весьма сложно. Главным направлением эволюции глобальной экономики после 70-х гг. является смена индустриальных структур постиндустриальными. Причем в 80–90-х гг. инновационные процессы захватили наиболее легкодоступные структуры – информационные. Теперь на очереди стоит замена таких фундаментальных индустриальных отраслей, как металлургия, энергоносители, транспорт, сфера быта, медицина (см. прим. 137 на с. 263).

Чрезмерный рост кредитно-финансового сектора в 2002–2009 гг. отражает именно реальные сложности трансформации вышеперечисленных отраслей. Технологии, реально способные адаптировать и тем более заменить индустриальные отрасли, есть, но коммерчески они далеки до реализации. Нанотехнологии, бионика, бытовая робототехника, генная инженерия или только набирают инновационный вес, или находятся еще в стадии технологического становления. Отсюда вытекает такое явление, как технологическая «ядерная зима», застой в венчурном секторе экономики.

5. Аналитическая летопись циклов инноваций XX в. Инновации базисные и улучшающие

Нетрудно понять, что в виде теории длинных и коротких циклов мы имеем достаточно эффективный инструмент для прогнозирования как весьма отдаленных экономических и политических сдвигов (например, середины XXI в.), так и самых ближайших – цикла инноваций 2010 – около 2017 гг.

Действительно, если полных длинных циклов завершилось уже 7 (с 1816 г.), то столько же было и циклов инноваций: 1826–1837 гг., 1858–1866 гг., 1883–1892 гг. и т. д. Мы можем, конечно, исследовать их все, что даст большой эффект. При этом остановиться более подробно на некоторых, например, самых типичных или ближайших к нам по времени. Эф-

фективность такого анализа состоит в том, что позволяет спроецировать процессы в типичных и ближайших циклах инноваций на современный цикл инноваций 2010–2017 гг., уловить связь циклов инноваций и циклов сдвига, следующих за ними.

Цикл 1908–1914 гг.

Этот цикл инноваций был, возможно, одним из наиболее типичных. Причина очевидна: это был первый цикл инноваций с переходом мировой экономики в индустриально-аграрное состояние (1901–1975 гг.) (см. прим. 138 на с. 264). Соответственно, в цикле 1908–1914 гг. развертывается целый кластер инноваций, тесно связанный со сменой машины-двигателя: широким внедрением двигателя внутреннего сгорания.

Наиболее важной базисной инновацией в цикле было развертывание в США автомобильной отрасли. Хотя автомобиль был изобретен еще в прошлом цикле инноваций, а его производство получило некоторое развитие в цикле роста 1901–1907 гг., именно в цикле инноваций автомобилестроение достигает уровня массового отраслевого производства. Так, если в 1907 г. в США было произведено 44 тыс. автомобилей, то в конце цикла 1908–1914 г. уже более полумиллиона – 569 тыс. Таким образом, за цикл инноваций их производство возросло почти в 13 раз! Причем не менее важно то, что именно в этом цикле автомобилестроение обрело на заводах Форда технологический вид поточного производства, а марка Т-4 стала образцовым типом автомобиля¹². При этом Форду удалось совершить прорыв в снижении стоимости автомобиля, сделав его доступным для достаточно широкого круга потребителей.

Усовершенствование двигателя внутреннего сгорания и автомобиля дало толчок для развития кластера смежных отраслей. Особенно большое значение имело развитие на новой основе сельскохозяйственного машиностроения. Сначала началось производство и применение тракторов на колесном ходу, но настоящим прорывом стало начало серийного производства фирмой «Холт» в 1912 г. гусеничных тракторов. Также важным было начало широкого производства тракторов малой мощности. В целом к 1915 г. производилось уже 20 тыс. тракторов в год. Не менее значимым был запуск производства зерноуборочных комбайнов, которых в 1914 г. произвели 270 штук (см. прим. 139 на с. 264).

Важно заметить, что стремительный рост инновационных отраслей, созданных в цикле инноваций, продолжался в США в цикле сдвига 1914–1921 гг., даже несмотря на разрастающуюся Первую мировую войну. Так, производство автомобилей в 1920 г. превысило 2 млн (2 млн 227 тыс.) штук, тракторов 150 тыс. штук, комбайнов – 3227 штук и т. д. (см. прим. 140 на с. 264).

¹² Насколько мы понимаем, речь идет о знаменитой «Модели Т». – *Прим. отв. ред.*

Наряду с кластером, тесно связанным с автомобилестроением, в цикле инноваций получили развитие другие инновационные отрасли. В частности, такие важные, как самолетостроение, производство бытовой техники, киноиндустрия и др.

Но для цикла 1908–1914 гг. были присущи и типичные для циклов инноваций процессы обострения политических противоречий (см. прим. 141 на с. 264). Причем начало политических потрясений, в конечном счете переросших в цикле сдвига 1914–1921 гг. в мировую войну, было положено в самом начале цикла 1908–1914 гг. В 1908 г. произошла аннексия Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины, которая привела к резкому обострению политического положения в Балканском регионе. Был дан толчок новому раунду борьбы империй за территориальный передел. Этот процесс усугубился революцией 1909 г. в Османской империи. Ее владения последовательно подверглись отторжению со стороны Италии (Ливия), а затем в Европе со стороны группировки балканских государств: Болгарии, Греции, Румынии, Сербии в ходе Первой Балканской войны.

В конечном итоге летом 1914 г. столкновение интересов Австро-Венгрии и России на Балканах привело к началу Первой мировой войны. Так цикл инноваций перерос в цикл сдвига 1914–1921 гг.

Цикл 1931–1938 гг.

Данный цикл, вероятно, был наиболее нетипичным из всех завершившихся циклов инноваций. Действительно, именно на этот цикл пришлась Великая депрессия. Естественно, возникает вопрос: а можно ли вообще отрезать 1931–1938 гг. определять как цикл инноваций?

Как показывают многочисленные исследования, выявляется кажущийся парадокс. В 30-е гг. инновационный процесс не только не остановился, но даже ускорился в сравнении с циклом роста 20-х гг., имевшим громкое название «просперити».

Прежде всего, можно говорить о двух отраслях, развернувшихся на основе базисных инноваций: аэрокосмической и телекоммуникационной. Именно в 30-е гг. эти отрасли начали приобретать свойства, сделавшие их в последующие десятилетия ведущими отраслями глобальной экономики. Тогда же возникли и корпорации, определившие будущее этих новейших отраслей, в частности, “Motorola”, в 1930 г. создавшая первый портативный приемник для автомобилей, в 40-е гг. – первый широко доступный потребителю телевизор. Но еще в 1934 г. другая высокотехнологическая корпорация “Radio Corporation of America” создала первые телевизоры.

На рубеже 20–30-х гг. компания “Douglas Aircraft” создала самолет ДС-3, который на протяжении 30-х гг. охватил 90 % пассажироперевозок США. В это же время из “United Aircraft and Transport Corporation” выделяется “Boeing”, который уже в 30-е гг. специализировался на производстве военных самолетов для нужд ВВС США (см. прим. 142 на с. 264).

Но лидирующие позиции в возникавшей аэрокосмической индустрии в 30-е гг. заняла Германия. Несмотря на ограничения Версальского договора, ряд германских фирм, Юнкерса, Дорнье, Мессершмитта и др., смог продвинуться в создании новых моделей самолетов. Так, Junkers Ju52-3m был популярным в Европе пассажирским самолетом, а во второй половине 30-х гг. при широком финансировании нацистского режима создавались лучшие модели военных самолетов: Ju-87, Me-109 и др. Велись работы по созданию реактивных самолетов. Более того, Германия в 30-е гг. была несомненным лидером в ракетостроении благодаря разработкам В. Брауна, ракетные технологии которого уже после 1945 г. были использованы как в США, так и в СССР.

Однако базисные инновации были свойственны не только аэрокосмической и телекоммуникационной отрасли. Фактически, из химических производств, получивших развитие еще в цикле инновации 1883–1892 гг., в 30-е гг. выделяется производство искусственных материалов. В самом начале этого десятилетия сотрудники фирмы “DuPont” смогли получить неопрен (искусственный каучук), сыгравший огромную роль в развитии многих отраслей. Так, к 1939 г. при производстве всех автомобилей и самолетов применялся искусственный каучук.

Еще одним искусственным материалом, созданным “DuPont” в 30-е гг. был нейлон, также получивший широчайшее применение как в мирных, так и в военных целях.

Другие важные инновации, созданные в 30-е гг., не имели еще широкого применения в условиях экономической стагнации и приближения мировой войны. Но они стали основой технологического прогресса в следующем цикле инноваций в 60-е гг. – например, изобретение ксерокса, цветных фотоаппаратов и т. д.

Особенно важное значение в 30-е гг. получило приборостроение, обеспечивавшее переход целого ряда важнейших производств к полной автоматизации. Регистрирующие приборы на протяжении 30-х гг. стали вытесняться управляющими, доля которых по стоимости возросла с 8 % в 1929 г. до 40 % в 1937 г. В частности, непрерывные автоматизированные процессы внедрялись на нефтеперегонных заводах, в производстве различных растворителей и т. д.

В результате процесса автоматизации появились автоматы огромной производительности, отдельные цеха-полуавтоматы, например листопрокатные цеха, автоматизированные электростанции и т. п. Однако в 30-е гг. из-за ограниченности рынков сбыта и общего сжатия производства автоматизированные технологии не могли достигнуть полной производительности. Схожее положение было в Германии, только здесь рынки были менее емкие. Но зато нацисты уже в середине 30-х гг. развернули милитаризацию, которая позволила широко применять массовое производство.

«...до 1933 г. не доставало крупных рынков сбыта. Все изменилось с милитаризацией экономики в 1934 г. Эти процессы породили новый массовый рынок. Кроме того, во многих отраслях принудительно вводилась и форсировалась стандартизация. В ноябре 1936 г. возникло первое предприятие Германии, фирма “Опель” в Бранденбурге, производство которого было полностью конвейерным» (Хахтман 2009: 226).

Таким образом, в Германии в цикле инноваций 1931–1938 гг. экономические инновации теснейшим образом переплетались с подготовкой политической экспансии. Более того, сама экономика превращалась в орудие военно-политических захватов. В США эти процессы с полной силой развернулись позднее: с началом Второй мировой войны в цикле сдвига 1939–1949 гг.

Но в целом для цикла инноваций 1931–1938 гг. было присуще нарастание политической борьбы, закончившееся в Европе Мюнхенским сговором 1938 г., а на Дальнем Востоке агрессией Японии против Китая (1937 г.). И с этой точки зрения данный цикл был вполне типичным. В нем, как и в других циклах инноваций, мы видим тесную связь экономической и политической цикличности.

Цикл 1959–1967 гг.

Данный цикл был, несомненно, одним из наиболее типичных циклов инноваций. В нем, в отличие от цикла 30-х гг., инновационные процессы сопровождалась стремительным подъемом экономики ведущих индустриальных стран (см. прим. 143 на с. 264). Это объяснялось тем, что в цикле 1959–1967 гг. достигали своего предельного развития индустриальные технологии, но вместе с тем уже стали возникать элементы постиндустриальных инновационных кластеров. Уже в 50-е гг. широчайшее распространение получило массовое поточное производство. Но на рубеже цикла роста 1949–1958 гг. и цикла 1959–1967 гг. произошел резкий спад в американской металлургической отрасли, повлекший за собой длительную забастовку металлургов и внедрение на американский рынок японских производителей металла. А ведь металлургия была ведущей отраслью индустриального хозяйства.

Как и большинство циклов инноваций, цикл 1959–1967 гг. начался депрессией 1961–1962 гг., но затем с 1963 г. начался бурный рост экономики, достигавший 5–6 % в год.

В определенной мере это было результатом того, что развертывание американского глобального проекта привело к качественно новой ситуации в развитии мирового рынка, к ускоренной интеграции наиболее развитых экономик. В этом отношении показателен стремительный рост внешней торговли, значительно опережавший рост ВВП (см. прим. 144 на с. 265).

Цикл завершил процессы, начатые еще в цикле 1931–1938 гг. В частности, широчайшее распространение получило производство и применение новейших материалов. Например, в 60-е гг. в 4,5 раза увеличилось производство пластмасс, в 6,5 раз – производство синтетических волокон. Стремительно развивалась телекоммуникационная отрасль.

Но базисными инновационными кластерами в 60-е гг. можно назвать прежде всего аэрокосмонавтику и электронику. Именно в цикле инноваций СССР и США был совершен прорыв в космос (1961–1962 гг.), а затем на рубеже цикла инноваций и сдвига (1969 г.) человеком начато освоение Луны. Хотя освоение околоземного пространства носило прежде всего военные и политические цели, оно дало толчок многим мирным проектам в области изучения климата, телекоммуникаций, геологии и др.

Другой базисной инновацией, получившей стремительное развитие в цикле 1959–1967 гг., была электроника. Причем если аэрокосмический кластер можно назвать промежуточным, несшим признаки индустриального и постиндустриального, то электронные кластеры уже были постиндустриальными экономическими структурами. Главным направлением электронного кластера стала компьютеризация.

Хотя первые компьютеры появились в 50-е гг.¹³, это были чрезвычайно громоздкие и дорогие машины на смешанной лампово-транзисторной основе. Если в США в 1955 г. имелось всего 10 компьютеров, то уже к концу 50-х гг. (то есть в начале цикла инноваций 1959–1967 гг.) – около 2 тыс. Но уже к 1970 г. в США имелось 56 тыс. компьютеров. Важнейшей вехой в разрывании электронной отрасли стал выпуск в 1964 г. компанией IBM машин с микропрограммированием семейства IBM/360 – компьютеров третьего поколения. Всего их было выпущено более 33 тыс. Не менее успешной была машина конкурента IBM Digital Equipment Corporation PDP-8 на интегральных схемах. Будучи относительно недорогой, она нашла широкое применение как в гражданских, так и в военных отраслях.

Но даже такие высокие темпы развития компьютерного производства в 60-е гг. не сделали его в полном смысле базисным. Цены на компьютеры оставались достаточно высокими, а оперативные возможности ограниченными. Только создание фирмой “Intel” в 1971 г. микропроцессора 4004, а затем в 1974 г. более мощного процессора 8080 мощностью в 290 тыс. операций в секунду, а также ряд других изменений подготовили технологическую базу для окончательного превращения в следующем цикле инноваций 1983–1991 гг. компьютерного кластера в базисную инновацию.

Одновременно происходил начальный процесс формирования других важнейших структур постиндустриальной экономики, в частности финан-

¹³ Первые компьютеры появились в 1940-х гг. Первой электронно-вычислительной машиной стала ENIAC – ЭВМ, созданная в 1946 г. под руководством конструкторов Д. Маучли и Д. Эккерта на основе электронных ламп. – *Прим. отв. ред.*

совых. С конца 50-х гг. это также проявлялось в виде венчурного капитала, а несколько позднее, в 1961 г., Артуром Роком был создан первый венчурный фонд с капиталом в 5 млн долларов. Началось также формирование первых пространственных структур постиндустриальной экономики, в частности в середине 50-х гг. Силиконовой долины в Стенфордском парке. В 60-е гг. технопарки стали возникать и в других университетах США.

В то же время и в цикле 1959–1967 гг., как и почти во всех циклах инноваций, серьезными были политические. Этого можно было ожидать потому, что мировой рыночной системе противостояла социалистическая с централизованной экономикой и мощным ВПК. Столкновение СССР и США на Кубе породило крайне опасный Карибский кризис. Но куда большее и длительное влияние на рыночное хозяйство и развитие цикличности оказала война во Вьетнаме, активно проводимая США с 1965 г. Затраты на нее в отдельные годы превышали 9 % ВВП США и привели к эффекту пролонгации цикла инноваций, фактически закончившегося в США в 1970 г. Хотя экономический спад, в том числе и потребительского спроса, был отмечен уже в первой половине 1967 г.

Цикл 1983–1991 гг.

Это был первый цикл инноваций постиндустриальной эпохи. Поэтому можно было ожидать, что в нем мы обнаружим нечто необычное, не свойственное прежним индустриальным циклам. Действительно, для цикла 1983–1991 гг. было присуще особенно широкое развитие инновационных, постиндустриальных кластеров. Причем стремительный рост инновационных производств и сворачивание традиционных индустриальных в экономике США начались уже в цикле роста 1975–1982 гг.

Другими словами, инновационный процесс начался еще в конце цикла роста. Это было явление опережающего перехлестывания, когда структурные сдвиги начинаются раньше, чем завершается циклический подъем (см. прим. 145 на с. 265). Причиной этого стали финансовые потрясения (распад Бреттон-Вудской финансовой системы) и политические сдвиги в мусульманском мире, оказавшие большое влияние на мировое рыночное хозяйство.

Из-за огромного роста цен на энергоносители, достигшего своего максимума в 1979 г., традиционные индустриальные отрасли испытали резкое замедление в фазе подъема цикла роста 1975–1982 гг. А сам цикл завершился двойной рецессией. Но зато уже в этом цикле начался стремительный рост инновационных отраслей. Так, стоимость компьютеров и вспомогательного оборудования, произведенных в США в 1978 г., составляла 16,6 млрд долларов, а в 1981 г. уже превысила 30 млрд долларов. В целом темпы ежегодного прироста составляли 18,8 %. То же можно ска-

зять о другом важнейшем постиндустриальном кластере – робототехнике. Со второй половины 70-х гг. до 80-х гг. в 10 раз возросло число моделей роботов, продажи которых выросли с 30 млн долларов в 1980 г. до 190 млн долларов в 1982 г. Еще стремительнее развивались на рубеже 70–80-х гг. биотехнологии – другой важнейший кластер постиндустриальной экономики. Только Япония к середине 80-х гг. производила микробиологической продукции на сумму 50 млрд долларов.

Инновационные отрасли развивались на основе венчурного бизнеса, получившего широкое поле деятельности. Так как цикл 1975–1982 гг. был первым циклом постиндустриальной эпохи, то уже в ходе его развертывания происходила глубокая структурная реорганизация индустриальной экономики. Если постиндустриальные кластеры стремительно расширялись, то индустриальные отрасли переживали сжатие. Так, за три года (с 1979 г. по 1982 г.) производство стали в США сократилось почти в два раза: со 124 млн до 66 млн т. Следует подчеркнуть, что и в ходе циклического подъема в цикле инноваций 1983–1991 гг. производство стали не превысило 90 млн т. Почти такое же снижение производства стали пережила металлургия ФРГ, несколько меньше – Японии. Очень значительным было и сокращение производства чугуна.

Следовательно, на рубеже 70–80-х гг. ведущие страны мирового рыночного хозяйства (прежде всего США) вступили в период глубокой структурной трансформации. Это не означало разового и одномоментного уничтожения всей индустриальной системы и выстраивания на освободившемся месте новой постиндустриальной структуры. Редуцированные старые отрасли начинали органически соединяться с инновационными. Но гибкость инновационных кластеров еще не могла компенсировать спад конъюнктуры, вызванный сжатием индустриальных отраслей.

Количественные изменения в цикле 1975–1982 гг. обусловили рост инновационных отраслей в цикле инноваций 1983–1991 гг. В результате развертывание постиндустриальных кластеров обусловило необычайно длинный циклический подъем, продолжавшийся 7 лет. Если в 80-е гг. в индустриальных отраслях наблюдался умеренный рост, то постиндустриальные отрасли переживали бурный подъем. Так, уже в 1984–1985 гг. в США было продано роботов больше, чем за всю предшествовавшую историю американского роботостроения.

Однако главным инновационным кластером цикла 1983–1991 гг. было, несомненно, производство персональных компьютеров. Оно было связано с переходом к 5-му поколению компьютеров на базе микропроцессоров, разработанных фирмой “Intel” в первой половине 70-х гг. Правда, примерно до 1984 г. компьютеры 4-го и 5-го поколений сосуществовали. Но с разработкой и применением микропроцессоров Intel 80286, Intel 80386 персональные компьютеры с 1984 г. получили особенно широкое применение. Объем их производства в США, Японии и Европе составлял

уже сотни миллиардов долларов. Исключительно быстро росли постиндустриальные производства в Англии, занявшей в 80-е гг. первое место в Европе по числу венчурных фирм. Другими словами, старейшая индустриальная экономика мира начала в цикле инноваций 1983–1991 гг. стремительный переход в постиндустриальное состояние.

Электронная промышленность развивалась настолько стремительно, что уже к концу цикла инноваций на рубеже 80–90-х гг. обогнала крупнейшую индустриальную отрасль – автомобильную по стоимости продукции (около 700 млрд долларов). Причем четверть стоимости (26 %) приходилась на компьютеры, а другая четверть – на периферию.

Другим важнейшим достижением инновационного цикла 1983–1991 гг. стало формирование на основе гигантского расширения производства персональных компьютеров локальных и глобальных информационных сетей – Интернета. Так, в 1981 г. было лишь 213 пользователей Интернета, а к концу 80-х гг. их число уже достигло 150 тыс. Но решающий рывок в развитии глобальной сети (глобального виртуального пространства) произошел уже в следующем цикле сдвига 1992–2001 гг.

Но как это ни парадоксально, цикл 1983–1991 гг., несмотря на бурный рост инновационных производств, как и подавляющее большинство других циклов инноваций, был пронизан напряженной политической борьбой. Она завершилась в самом конце цикла распадом централизованной военно-экономической системы социализма во главе с СССР. Причем победу в эпохальном противоборстве рыночной социально-экономической системы над централизованной обеспечили именно инновационные кластеры, которые были реализованы в Стратегической оборонной инициативе (СОИ) администрацией республиканцев при Рейгане и Буше-старшем.

Другим важным фактором завершения холодной войны стало широчайшее внедрение улучшающих инноваций в 80-е гг. для сокращения потребления энергоносителей. Во второй половине 80-х гг. энергосберегающие технологии привели к резкому падению цен на нефть, что поставило экономику СССР в крайне сложное положение и вынудило его руководство к проведению новой политики и реформам, обернувшимся крахом.

Более того, технологическая и политическая составляющие были целенаправленно объединены, и администрация Рейгана, разворачивая гонку вооружений, где СОИ была центральным элементом, стремилась подорвать политические и экономические устои СССР.

Цикл сдвига 1992–2001 гг.

Как нетрудно понять, цикл 1983–1991 гг. был последним из завершившихся циклов инноваций и наиболее грандиозным по своим последствиям. Причем как по экономическим, так и по политическим. И на этом можно было бы завершить летопись циклов инноваций. Современный цикл 2010 – около 2017 гг. только начался, а потому его итоги подводить

вроде бы рано. Однако автору представляется, что для более убедительного раскрытия процессов цикличности в XXI в. уместно рассмотреть цикл сдвига 1992–2001 г., следовавший за циклом 1983–1991 гг. В нем завершились инновационные процессы, получившие развитие в цикле инноваций. Но вместе с тем были реализованы пространственные сдвиги как следствие политических процессов в 80-е гг.

Наиболее впечатляющим был переход инновационных компьютерных технологий на новый системный уровень, выразившийся в бурном развитии Интернета. Началом интернет-бума можно считать лето 1995 г., когда браузер компании “Netscape” произвел революцию в использовании Интернета. Вслед за этим начался бурный подъем высокотехнологической биржи NASDAQ. В результате число пользователей Интернета к концу цикла сдвига (2001 г.) превысило 100 млн!

Одновременно интенсивно протекал другой важнейший сдвиг: процесс формирования глобальной экономики. Он был результатом крушения на рубеже 80–90-х гг. системы централизованного социалистического хозяйства, а также рыночных реформ в Китае, Индии и других крупнейших странах развивающегося мира.

Для нас в этих процессах важно то, что обнаруживается теснейшая связь циклов инновации и сдвига. Процессы, начавшиеся в цикле роста, получили мощное развитие в цикле инноваций и не менее мощное завершение в цикле сдвига. И мы действительно видим глубочайшие сдвиги именно на протяжении 1993–2001 гг. С одной стороны, необычайное влияние на всю экономику получили информационные инновационные кластеры, а с другой – произошел глубочайший пространственный сдвиг и возникла глобальная экономика. Не менее важно и то, что именно в конце цикла сдвига бурный инновационный рост, наблюдавшийся на протяжении всего длинного цикла 1975–2001 гг., был ограничен падением высокотехнологической биржи NASDAQ, индекс которой с марта по декабрь 2000 г. потерял половину своей стоимости.

В политическом отношении такой границей длинного цикла 1975–2001 гг. стал масштабный террористический акт Аль-Каиды 11 сентября в Нью-Йорке.

6. Каким будет цикл инноваций 2010–2017 гг.? Какие инновации будут прорывными? Опасности и вызовы

Ныне наступивший короткий цикл 2010 – около 2017 гг., очевидно, будет типичным (если не типичнейшим!) циклом инноваций. Данное заключение легко сделать, внимательно прочитав уже изложенный материал этого исследования.

Во-первых, короткий цикл 2010 – около 2017 гг. является частью длинного цикла 2002 – около 2027 гг., центрального в периоде 1975 – около 2055 гг. (см. прим 146 на с. 265). Как было показано выше, в струк-

туре центральных длинных циклов короткие циклы предельно обособлены. Типичный пример: длинный цикл 1922–1948 гг. (см. прим. 147 на с. 265). Соответственно, типичный цикл роста 2002–2009 гг. сменяется типичным циклом инноваций 2010 – около 2017 гг.

Во-вторых, этот начавшийся сейчас короткий цикл относится к периоду смены индустриальной экономики постиндустриальной. В последней чрезвычайно большое значение имеют инновационный сектор экономики и, соответственно, инновационные циклы. Во всяком случае, гораздо большее значение, чем в цикличности индустриальной экономики. Это мы уже видели в ходе развертывания длинного цикла 1975–2001 гг., где цикл инноваций 1983–1991 гг. отличался особенно бурным развитием целых кластеров инновационных производств (см. прим. 148 на с. 266).

Уже сейчас¹⁴ можно назвать еще целый ряд типичных для цикла инноваций явлений (см. прим. 149 на с. 266). Например, достаточно медленный выход из кризиса 2008–2009 гг., завершившего цикл роста 2002–2009 гг. Как нетрудно заметить, такого рода явления были и во многих других циклах инноваций, например 1959–1967 гг., 1931–1938 гг., 1883–1892 гг. и др. (см. прим. 150 на с. 266). Не менее типичной чертой является рост политической напряженности в целых регионах. Именно это мы наблюдаем с началом цикла инноваций во многих странах Ближнего Востока. И существует большая вероятность, что подобного рода политические диффузии на протяжении ближайших лет могут захватить другие нестабильные регионы, прежде всего Северную Евразию (Белоруссия, Россия, Украина, Казахстан и т. д.). Весьма вероятно, что политические и социальные потрясения могут проявиться в Китае.

Причем особенно напряженным должен оказаться отрезок времени, когда цикл инноваций будет сменяться циклом сдвига, то есть в промежутке между 2016–2019 гг., если предположить, что проявятся процессы циклического перехлестывания. Но самым важным признаком инновационного цикла является развертывание новых кластеров базисных инноваций, которыми, с большой вероятностью, будут нанотехнологии. Как известно, впервые их потенциал был оценен в начале 90-х гг. С этого времени правящие круги ведущих экономик мира начали наращивать финансирование нанотехнологических исследований. Причем изначально потенциал нанотехнологий оценивался не только с чисто экономических целей, но также как военно-политический. Но, что типично для развертывания базовых технологий, в цикле сдвига 1993–2001 гг. и цикле роста 2002–2009 гг. нанотехнологии еще не могли перерасти в базовые, поскольку завершалось становление как базовых компьютерных и интернетовских технологий.

Однако тенденция эволюции базисных инноваций в постиндустриальную такова, что базисные инновации цикла 1983–1991 гг. электроника

¹⁴ Речь идет о начале 2012 г., когда писалась статья. – *Прим. отв. ред.*

и биотехнологии становятся и в нынешнем цикле инноваций 2010–2017 гг. важной составной частью нанотехнологий по мере уменьшения их размеров ниже 100 нанометров. Вследствие этого весьма сложно точно обозначить границы между микроэлектроникой и биотехнологиями, с одной стороны, и нанотехнологиями – с другой. Поэтому весьма различны и прогнозы возможного мирового объема нанопродукции в цикле 2010 – около 2017 гг. Так, называются цифры в 1,4–1,6 трлн долларов в 2015 г. Но исследовательская фирма “Research and Markets” уже для 2013 г. называет цифру в 1,6 трлн долларов, а агентство “Lux Research” – даже 2,9 трлн долларов для 2015 г. Темпы роста мирового рынка нанопродукции по оценкам исследователей будут расти темпами в 20–40 % в год. Примерно такими же темпами росло производство компьютеров с конца 70-х гг. и на протяжении 80-х гг., когда этот кластер был базисной инновацией цикла 1982–1991 гг.

В то же время Россия, несмотря на создание в 2007 г. «Роснано» и значительные финансовые затраты, по-прежнему остается аутсайдером в развертывании базисных инноваций. Так, на Россию в настоящее время приходится лишь 0,2 % мирового производства нанопродукции, из них основная доля на нефтехимию (производство бензинов). Правда, «Роснано» планирует повысить долю России до 3 %. Но это вряд ли достижимая цель. Суммарно оценка российского объема нанопродуктов колеблется от 15 млрд р. до 112 млрд р.

Хотя в правящих кругах заявляется, что, упустив время и отстав в инновационных кластерах 80–90-х гг., Россия не допустит отставания в развитии нанотехнологий, в действительности это маловероятно. Как мы видели, инновационные технологии 80-х гг., прежде всего микроэлектроника и биотехнологии, по мере уменьшения размеров структуры своей продукции после 100 нанометров уже переходят в разряд нанотехнологий. Следовательно, отсталость в инновационных производствах 80-х гг. почти автоматически влечет за собой отсталость в освоении нанотехнологий. Так, ряд важнейших инструментов, применяемых в нанопроизводстве, например сканирующие туннельные микроскопы, а затем атомно-силовые микроскопы, были созданы и усовершенствованы еще в 80-е гг.

В то же время нанотехнологии, в отличие от микроэлектроники и Интернета, самым непосредственным образом связаны с производством новейшего вооружений и милитаризацией. Причем спектр этой связи предельно широкий – от производства новейших видов пороха до боевых роботов-невидимок. Следовательно, отставание в развертывании нанотехнологий непосредственно означает отставание России в области новейших вооружений. Причем не только от США, но и от соседей на Востоке: Японии, Южной Кореи, Китая, которые по развитию многих направлений нанотехнологий идут сразу за США, опережая даже ведущие страны Евросоюза: Германию, Англию и Францию.

VI. США: циклы Жюгляра и смена президентов во второй половине XX – начале XXI в.

1. Существуют ли циклы Жюгляра в экономике США?

Глубокий экономический кризис и депрессия, охватившие мировое хозяйство в 2008–2012 гг., в очередной раз подтвердили факт перманентной неустойчивости рыночной экономики. Кризисы и спады разной глубины и продолжительности за последние 200 лет имманентно присущи рыночному хозяйству. Неудивительно, что уже в XIX – начале XX в. кризисы и циклы привлекали большое внимание крупнейших экономистов. Однако преимущественно это были экономисты из Франции, Германии и России. Так, крупнейшими исследователями циклов можно назвать К. Жюгляра, К. Маркса, М. И. Туган-Барановского, М. А. Бунятяна, А. Шпитгофа, Ж. Лескюра. Как следствие, сегодня периодические циклы в 7–11 лет чаще всего называют циклами Жюгляра. Хотя это не вполне точно.

Парадоксально, но экономисты циклических лидеров: Англии и США, где циклы Жюгляра проявились ранее всего и ярче всего, ими интересовались почти исключительно как явлениями эмпирическими или разовыми. Разгадка такого парадокса состояла в том, что экономисты Англии и США оказались тесно связаны с бизнесом и государственным экономическим управлением, что и делало их экономические воззрения чрезмерно эмпирическими, нацеленными на сиюминутные потребности.

Правда, это произошло не сразу, а в период зрелости индустриальной эпохи. А. Смит и Д. Рикардо были вполне на высоте экономической теории. Однако, начиная с Д. С. Милля и особенно с А. Маршалла и монетариста И. Фишера, экономическая мысль Англии и США перешла на позиции экономического эмпиризма. Даже в разгар Великой депрессии в 1933 г., когда безработица в США достигла 15 млн человек, а все банки фактически стали банкротами, И. Фишер, один из главных экономических советников президента Рузвельта, отрицал периодичность и закономерность циклов.

Неудивительно, что именно начиная с 20–30-х гг. теория циклов была подменена статистикой конъюнктуры. Ключевую роль в этом процессе сыграла работа У. Митчелла «Экономические циклы» (1927 г.). В ней автор прямо отверг теорию периодических циклов Жюгляра, заменяя ее статистическими и, фактически, случайными 3–4-летними циклами. Этим, с одной стороны, экономическая наука переходила к изучению и решению конкретных вопросов хозяйственной жизни. Но с другой – целый ряд важнейших экономических проблем, исследованных экономистами XIX – начала XX вв., фактически был отброшен.

Заметим, что сегодня, в начале XXI в., глобальная конъюнктура имеет почти математически точную цикличность Жюгляра в 8–9 лет! Ниже графически показаны даты циклов постиндустриальной

эпохи: 1975–1982 гг., 1983–1991 гг., 1992–2001 гг., 2002–2009 гг. Более того, как мы увидим, даже смена президентов США почти точно совпадает с циклами Жюгляра последних 50–60 лет (см. прим. 151 на с. 266)!

Недостатки чисто статистического подход были очевидны уже в 20-е гг., когда формировалась школа У. Митчелла. Так, действительно глубокие периодические кризисы – послевоенный 1920–1921 гг. и самый разрушительный в истории кризис 1929–1932 гг. – приравнивались к пролонгированному спаду 1923–1924 гг. и спаду 1926–1927 гг. В результате важнейшие достижения качественного анализа приносились в жертву простой статистической констатации колебаний конъюнктуры. И когда началась Великая депрессия, школе Митчелла для объяснения причин экономического краха предложить было нечего. Ведь даже понятие «кризис» Митчеллом было подменено «рецессией». Тогда как в действительности американская экономика переживала даже не кризис, а самый настоящий упадок, причем целое десятилетие, так как после небольшого оживления в середине 30-х гг. в 1938–1939 гг. снова наступил периодический кризис.

Одновременно школа Митчелла фактически отрицала и существование длинных циклов конъюнктуры. В результате в исследованиях американских и английских экономистов полностью исчезла проблематика периодических циклов Жюгляра как фундаментального явления индустриальной экономики.

Правда, Великая депрессия вынудила всех западных экономистов заниматься проблемой цикличности. Но даже в предельно экстремальных условиях 30-х гг. XX в. высшим результатом англо-американской экономической мысли стала теория Дж. Кейнса (1936 г.). Даже Г. Хаберлер, который, выполняя задание Лиги Наций, обобщил все имевшиеся теории «делового цикла» 20–30-х гг., в конечном итоге перешел на позиции кейнсианства. Его основной задачей была разработка такого хозяйственного регулирования экономики, которое позволило бы максимально уменьшить циклические колебания. «Эффективное средство борьбы с экономическими циклами нужно искать не в устранении бумов и установлении хронической полудепрессии, а в том, чтобы устранить кризисы и постоянно поддерживать состояние квазибума» (Кейнс 1999: 297).

Другими словами, Кейнс был далек от понимания цикличности как динамики и смены циклов Жюгляра, то есть далек от теории циклов (см. прим. 152 на с. 267). Как известно, именно в это время Й. Шумпетер пытался создать эскиз единой теории циклов на основе инновационной концепции и больших циклов Н. Кондратьева. Но сделать это достаточно убедительно он не смог. Ведь в основе теории больших циклов конъюнктуры Н. Кондратьева лежала ошибочная гипотеза его научного наставника Туган-Барановского (прим. 153 на с. 267). Да и правительства, как боль-

шинство экономистов, стремились найти меры для устранения или хотя бы смягчения именно «деловых циклов».

Правда, в экономической истории США для подмены исследований циклов Жюгляра «деловыми циклами» были и объективные причины. Например, в XIX в. только цикл 1849–1857 г. проявился более-менее определенно. Более ранние циклы 1816–1826 гг., 1827–1837 гг., 1838–1848 гг. из-за неразвитости индустриального сектора экономики были выражены достаточно слабо. Кроме того, даже эта слабо выраженная цикличность имела как бы обратное проявление. Дело в том, что в первой половине XIX в. США играли роль сырьевого придатка по отношению к индустриальной Англии. А потому циклические кризисы отражались в экономике США на несколько лет позднее. Так, индустриальный кризис 1837–1838 гг. в США с полной силой проявился только к 1842 г.

Более того, и после 1857 г. циклы в США не стали синхронными с циклами в Англии, так как уже в 1861 г. началась Гражданская война Севера и Юга, которая не только нарушила возникшую цикличность, но и подорвала финансовую систему США выпуском массы бумажных денег – гринбеков. Однако, несмотря на это, после кризиса 1873 г. циклы Жюгляра в экономике США на протяжении 1874–1903 гг. вполне просматривались. Так, можно выделить цикл 1874–1883 гг., цикл 1884–1893 гг. и цикл 1894–1903 гг. Почти те же годы периодических кризисов называли виднейшие исследователи циклов Жюгляра: сам К. Жюгляр, М. И. Туган-Барановский, А. Лескюр, М. А. Бунятян и др.

Таким образом, циклы Жюгляра в экономике США в конце XIX в. вполне прослеживались, хотя и не совпадали точно с циклами Германии и Франции. Но различия составляли всего год, а с Францией даже были полные совпадения. Исключение составляют лишь цикл 1894–1903 гг. и цикл 1904–1907 гг. Правда, в 1900 г. в США наметился спад, но он был преодолен, и подъем продолжался. Здесь мы наблюдаем яркий факт явления «перехлестывания», когда цикл продлился на 2–3 года за счет сменявшего его цикла. Потрясающим подтверждением факта наличия «перехлестывания» является то, что цикл оказался хотя и небывало коротким: 1904–1907 гг., но, тем не менее, предельно типичным! Биржевой крах 1907 г. сильнейшим образом потряс не только финансовую систему США, но и всю американскую экономику. Именно после этого краха деловые и правящие круги США в 1913 г. создали ФРС.

Заметим, что особую сложность представлял анализ цикличности в годы двух мировых войн. Он фактически не проведен до сих пор. Важнейший вопрос: как экономическая цикличность перерастает в военную цикличность и как протекает обратный процесс (см. прим. 154 на с. 267)? Заметим, что экономические противоречия были решающей причиной возникновения мировых войн. Причем именно через цикличность эти противоречия перерастали в военные столкновения. И Первая, и Вторая

мировая войны возникли в момент завершения циклов инноваций и начала циклов сдвига в 1914 и 1939 гг. Очевидно, сухая статистика мало что может дать для объяснения этих фактов.

Например, США в 30-е гг. производили 200–300 самолетов в год, в 1942–1944 гг. по 40–50 тыс. в год. Производство выросло почти в 200 раз! И так почти со всеми видами военной техники. А в 1945–1947 гг. из-за конверсии произошел огромный спад производства, в том числе и спад в динамике ВВП. Но означает ли это, что мы должны за период 1939–1948 гг. выделить несколько циклов? С точки зрения чисто формальной, статистической, точки зрения голых цифр, – должны. Но с точки зрения исследования всей действительности – нет. **Потому что цикличность свойственна не только индустриальной экономике, но и индустриальной политике. И в цикле 1939–1948 г. господствующей была не экономическая, а политическая доминанта цикличности** (см. прим. 155 на с. 267).

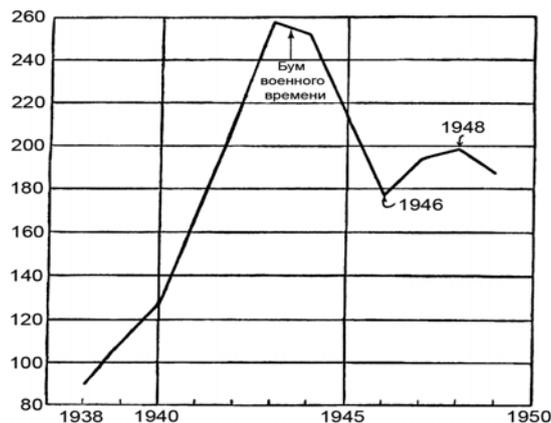

Рис. 12. Цикл Жюгляра 1939–1948 гг.

Источник: Federal Reserve Board, Index of Total Manufactures (приводится по книге Э. Хансена [1959: Рис. 18]).

Поэтому экономический вход в войну и выход из нее (конверсия) с точки зрения теории циклов нужно рассматривать как единый цикл сдвига 1939–1948 гг. То же самое справедливо и для Первой мировой войны, протекавшей в цикле сдвига 1914–1921 гг. **Таким образом, события Первой мировой и Второй мировой войны протекали в одном периодическом цикле Жюгляра.**

Отсюда ясно, что исследование цикличности как чисто экономического (статистического) или как чисто политического явления (Дж. Гаттеи и др.) не дает настоящего объяснения индустриальной цикличности. Не-

обходим только синтетический подход, в котором учитываются как экономические, так и политические факторы.

Но и после Второй мировой войны в некоторых циклах ощущалось сильное влияние политического фактора. Так, в цикле 1949–1958 гг. большое влияние на экономическую конъюнктуру оказала война в Корее 1950–1953 гг. Достаточно сказать, что в годы войны доля ВВП США, расходуемая на военные нужды, превысила 15 %. Для сравнения: в годы реганомики, когда создавалась СОИ, военные расходы составляли лишь 6 %, а в 2000-е гг. – не более 3–4 %. Естественно, что высокие военные затраты вели к деформации цикла Жюгляра. Окончание войны в Корее и конверсия вызвали в 1954 г. экономический спад. Но считать его отдельным циклом нет никаких причин. Процессы развертывания цикла продолжались, и в 1955–1957 гг. экономика США вошла в фазу подъема. А в 1958 г. наступил экономический периодический кризис без всякой войны.

Схожие события происходили в следующем цикле, который в США был пролонгирован войной во Вьетнаме до 1970 гг. Заметим, что цикл 1959–1970 гг. был типичным циклом инноваций. В США наблюдался бурный экономический рост, внедрялись базисные и улучшающие инновации. Но в 1965 г. администрация Джонсона резко усилила военное вмешательство во Вьетнаме. Военные расходы снова подскочили, превысив 9 % ВВП. Это вызвало искусственный инвестиционный подъем. В результате цикл, который должен был завершиться в 1967–1968 гг., завершился в 1970 г. При этом в 1967 г. экономика США ощутила спад, особенно в отраслях, работающих на потребительский рынок, из-за снижения личного потребления именно в 1967–1968 гг., когда и должен был закончиться цикл инноваций, если бы не резкий рост военных расходов.

Заметим, что, несмотря на военный подогрев конъюнктуры, демократы проиграли выборы 1968 г. Это еще одно свидетельство корреляции внутренней политики и циклов Жюгляра. К тому же следующий цикл 1970–1975 гг. оказался очень коротким, так как цикл 1959–1970 гг. был пролонгирован огромными расходами на войну во Вьетнаме. Уместно подчеркнуть, что в Европе, в частности в ФРГ, которую не коснулись военные затраты, цикл закончился именно в 1967 г. Другие ведущие страны западной Европы, например Англия, также испытали спад в 1967 г.

Таким образом, несмотря на глубокие политические потрясения в XX в., мы можем вполне определенно выявить циклы Жюгляра в экономике США как циклического лидера этой эпохи. Со времени, когда политические потрясения стали ослабевать, с середины 70-х гг., циклы Жюгляра проявились со всей очевидностью. Причем уже не только в экономике США, но и во всей глобальной экономике. Динамика мирового ВВП, по данным Мирового банка, однозначно об этом свидетельствует.

В диаграмме на Рис. 1 совершенно однозначно выделяются циклы Жюгляра 1975–1982 гг., 1983–1991 гг., 1992–2001 гг. и 2001–2009 гг. При-

чем эти же циклы в экономике США почти в точности повторяют динамику циклов мировой экономики.

2. Воздействие циклов Жюгляра на политическую принадлежность американских президентов

Как мы видели, экономические циклы весьма жестко связаны с политическими событиями. Естественно предположить, что циклическое развитие сильно воздействует и на политические процессы в США. Правда, в XIX в., когда источником индустриальных циклов была Англия, циклическое развитие США имело асинхронный характер. Циклический спад в Англии, а позже в Европе, происходил раньше, а в США с некоторой задержкой. Даже цикл сдвига самого конца XIX в. завершился в Европе в 1900 г., тогда как в США – только в 1903 г.

Но после Второй мировой войны, когда центр глобальной рыночной экономики окончательно переместился в США, циклические и политические процессы обнаружили явные тенденции к сближению. Уже приход к власти республиканца Эйзенхауэра в 1952 г. обозначил это сближение. Его правление пришлось на большую часть цикла 1949–1958 гг. Но особенно явственно совпадение циклов Жюгляра и периодов смены правления республиканцев и демократов началось с 1960 г. Как известно, в этот год президентом стал демократ Кеннеди, а у власти демократы находились до 1968 г., что почти совпало с завершением цикла 1958–1967 гг. Победившие на выборах 1968 г. республиканцы тоже оставались у власти 2 срока до 1976 г., что также почти совпало с циклом 1968–1975 гг.

Лишь цикл 1975–1982 гг. относительно в большей степени не совпал со сменой партий у власти. Президентство демократа Картера пришлось на 1976–1980 гг. Но цикл 1975–1982 гг. был началом постиндустриальной трансформации. Это был непродолжительный цикл, более того, он как бы делился на части. В 1975–1979 гг. происходил быстрый рост старых индустриальных отраслей, но затем производство в них начало резко снижаться, и во второй половине цикла в 1979–1982 гг. произошел стремительный рост уже постиндустриальных отраслей.

Таким образом, это был переломный цикл, что отразилось в смене демократов республиканской администрацией Рейгана в 1980 г. Поэтому демократы пробыли у власти лишь один президентский срок. Зато республиканцы пробыли у власти 3 срока: с 1980 по 1992 гг. Последняя дата почти совпадает с завершением цикла инноваций 1983–1991 гг. Также почти совпадает нахождение у власти демократа Клинтона в 1992–2000 гг. со следующим циклом 1993–2001 гг. Наконец, республиканец Буш-младший находился у власти почти точно на протяжении цикла 2002–2009 гг. Смену у власти партий и циклов с 1952 г. можно представить следующим образом:

Табл. 4. Соотношение циклов Жюгьяра и смены политических партий у власти в США

Партийная принадлежность президентов	Циклы Жюгьяра
1952–1960 гг. – республиканцы	1949–1958 гг.
1960–1968 гг. – демократы	1959–1967 гг.
1968–1976 гг. – республиканцы	1968–1975 гг.
1976–1980 гг. – демократы	1975–1982 гг.
1980–1992 гг. – республиканцы	1983–1992 гг.
1992–2000 гг. – демократы	1993–2001 гг.
2000–2008 гг. – республиканцы	2002–2009 гг.
2008–20...? гг. – демократы	2010 – около 2017 гг.

Возможно, кому-то совпадение смены партий у власти и циклов Жюгьяра покажется недостаточно точным и убедительным. Поэтому для сравнения можем взять смену партий у власти во второй половине XIX – начале XX и середине XX в. Так, после гражданской войны 1861–1865 гг. республиканцы во второй половине XIX в. находились у власти несколько десятилетий подряд! А демократы с началом Великой депрессии и Второй мировой войны находились у власти 5 сроков подряд: с 1932 по 1952 г. И только после прихода к власти республиканца Эйзенхауэра начинается правильная смена партий у власти, близко совпадающая со сменой циклов. Какова причина явного сближения экономических и политических процессов в США? Одну из них мы уже назвали. Это глобальное лидерство, что означает определяющее влияние американской экономики на постиндустриальную циклическую эволюцию. Другая – отсутствие крупнейших политических столкновений, вроде гражданской или Второй мировой войн. А также крупных экономических потрясений, вроде Великой депрессии. Третью причину можно видеть в изменении характера коротких циклов во второй половине XX в. и начале XXI в. Кризисы и депрессии стали менее глубокими и продолжительными. Важную роль сыграли информационные технологии, позволившие быстрее реагировать на изменения рыночной конъюнктуры и уменьшение товарных остатков (см. прим. 156 на с. 267).

Вместе с тем последний короткий цикл 2002–2009 гг. с небывалым ростом цен на нефть и биржевым крахом осени 2008 г. может привести к ослаблению тесной зависимости политических и экономических процессов в США. Например, новый американский президент Барак Обама может пробыть у власти не большую часть нового цикла, а только 4 года, как и Картер в конце 70-х гг. Тем более что цикл 2010 – около 2017 гг. может быть переломным в эволюции постиндустриального общества¹⁵ (см. прим. 157 на с. 267). К тому же перед Обамой стоит сложнейшая политическая

¹⁵ Статья пришла в редакцию незадолго до выборов американского президента в 2012 г. – Прим. отв. ред.

задача: начать внешнеполитическое отступление, то есть сворачивание некоторых наиболее одиозных проявлений американского глобализма. А, как известно, отступающий всегда подвергается жесткой критике, даже если отступление – единственный выход.

С другой стороны, глубина кризиса 2008–2009 гг. такова, что вполне может породить сценарий 30-х гг. XX в., когда демократы оставались у власти несколько сроков. И все же, вероятнее всего, продолжится смена партий по установившейся схеме циклов Жюгляра. Демократ Обама победит в 2012 г., а в 2016 г., когда приблизится к завершению цикл 2010–2017 гг. и экономическое положение в США будет иметь предкризисный фон, к власти придут республиканцы.

3. Причины двойного срыва в цикле роста 1975–1982 гг. и начало постиндустриальной эпохи

Уделим некоторое внимание циклу 1975–1982 гг., чтобы более детально уяснить причинную зависимость экономических и политических изменений. Тем более что уже много писалось и говорилось о двойном спаде 1980 и 1982 гг. как модели для современного цикла 2009 – около 2017 гг.

В этом цикле большое значение имел кредитно-финансовый фактор и, соответственно, рост цен. В частности, огромное влияние на течение цикла 1975–1982 гг. оказали распад Бреттон-Вудской кредитно-финансовой системы и скачок цен на нефть в 1973 г. Даже после циклического кризиса 1974 г. подъем цен не остановился. Так, если тонна нефти в 1972 г. предлагалась за 25–30 долларов, то в 1979 г. ОПЕК поднял цены до 250–300 долларов. Как следствие, произошел скачок цен и на другие товары. В ответ на действия ОПЕК президент США Картер провозгласил лозунг: «Бушель зерна за баррель нефти». Соответственно, западные компании резко подняли цены на оборудование для нефтедобычи.

Неудивительно, что в 70-е гг. начались широкомасштабные поиски альтернативных нефти энергоресурсов, результаты которых важны и сегодня, когда цены на нефть очень высокие.

Но особенно интересен двойной срыв в цикле 1975–1982 гг. Деловая активность резко снизилась на рубеже 1980–1981 гг., а затем в 1982 г. произошел циклический спад. Проанализировав статистические данные рубежа 70–80 гг., вполне можно найти причину. Экономические потрясения 1973–1974 гг. частично были преодолены уже во второй половине 70-х гг. Причем происходил рост производства в традиционных индустриальных отраслях. В США с 1975 по 1977 г. производство автомобилей выросло с 9 до 15 млн, росло оно в Японии, ФРГ, Франции. Стабилизировалось производство стали.

Но это были последние годы, когда традиционные индустриальные отрасли определяли темпы экономического развития в ведущих странах глобального рыночного проекта, и прежде всего в США. За три последних года этого же цикла роста (1975–1982 гг.) с 1979 г. по 1982 г. производство стали в США уменьшилось почти в 2 раза: со 124 млн т до 66 млн т! По-

добное падение было лишь в годы Великой депрессии. Следует подчеркнуть, что и в следующем цикле 1983–1991 гг. производство стали уже не поднималось выше 90 млн т. Очень значительным было в США и падение производства чугуна. Схожие процессы наблюдались в экономике ФРГ и Японии.

В то же время к середине 70-х гг. уже были созданы вычислительные системы 4-го поколения, ставшие технологической и информационной основой начала преобразования индустриальной экономики в постиндустриальную.

Именно с середины 70-х гг. начинает быстро возрастать производство персональных компьютеров. Если в США в 1968 г. они были произведены на сумму 4,2 млрд долларов, то в 1978 г. – на сумму 16,6 млрд долларов, а в 1981 г. уже на сумму 30 млрд долларов. Среднегодовые темпы прироста с 1972 по 1982 г. составляли почти 19 %. Быстро развивалось роботостроение, в 1974 г. был создан первый коммерчески доступный робот ТЗ, управляемый мини-компьютером. Эти два направления в развитии постиндустриального производства оказались тесно взаимосвязаны. Развитие робототехники невозможно без компьютеризации, а в производстве электронных компонентов широко применяются роботы. Со второй половины 70-х до начала 80-х гг. в 10 раз возросло число моделей роботов, продажи которых увеличились с 30 млн долларов в 1980 г. до 190 млн долларов в 1982 г.

Еще стремительнее развивалась на рубеже 70–80-х гг. биотехнология, еще одна важная постиндустриальная отрасль. Только в Японии к середине 80-х гг. производство микробиологической продукции составило огромную сумму – 50 млрд долларов.

Следовательно, когда индустриальные отрасли переживают спад и застой, постиндустриальные производства начинают стремительно развиваться. Цикл роста 1975–1982 гг. стал первым циклом постиндустриальной эпохи, в которую вступил глобальный рыночный проект. Но это не означало разового и одновременного уничтожения всей индустриальной структуры производства и выстраивания на ее месте новой постиндустриальной. В действительности происходили глубинные отраслевые сдвиги, и редуцированные индустриальные отрасли органически соединялись с новейшими.

Отсюда понятно, почему при переходе к постиндустриальной эпохе сохранилось циклическое развитие рыночного глобального проекта. Гибкость новых отраслей не могла компенсировать резкие спады конъюнктуры, вызванные структурным сжатием старых индустриальных отраслей. Кроме того, в условиях начавшегося соединения в рамках глобального рыночного проекта его ведущих центров и бывшей колониальной и полуколониальной периферии Азии, Латинской Америки и Африки часть индустриального производства не исчезала полностью, а переносилась в эту периферию. В результате индустриальный сектор мирового рыночного хозяйства сохранялся едва ли не в том же объеме.

Нетрудно понять, что причиной двойного срыва в цикле роста 1975–1982 гг. были глубокие технологические сдвиги, развернувшиеся позднее в цикле инноваций 1983–1991 гг. Это был типичный упреждающий спад¹⁶ и одновременно пример «перехлестывания» цикличности, когда инновационные кластеры начали развертываться еще в цикле 1975–1982 гг.

Переломным экономическим и технологическим процессам рубежа 70–80-х гг. соответствовали и политические изменения. Победа республиканца Рейгана на выборах 1980 г. была отражением потребностей в изменении экономической политики американского государства. Как известно, она и была проведена, получив впоследствии наименование рейганомии. Естественно, возникает вопрос: не повторится ли ситуация рубежа 70–80-х гг. в текущем цикле, тем более что это цикл инноваций? Ведь республиканцы, как правило, более жестко выражают интересы деловых кругов США.

Такой ход событий все же менее вероятен. Последствия кризиса 2008–2009 гг., связанные с правлением администрации республиканцев, вполне ощутимы как в экономике, так и в политике. К тому же при необходимости администрация демократов также может перейти к стимулированию инновационных процессов в экономике. Так, в начале 60-х гг., после спада 1961–1962 гг., администрация Кеннеди провела многомиллиардное сокращение налогов, что стало одним из важных стимулов мощного инвестиционного подъема середины 60-х гг.

Библиография

- Афталлион А. 1930.** *Периодические кризисы перепроизводства*: в 2 т. М.: Л.
- Валлерстайн И. 2004.** *Конец знакомого мира. Социология XXI века*. М.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Цирель С. В. 2011.** *Циклы развития современной мир-системы*. М.: ЛИБРОКОМ.
- Гринспен А. 2008.** *Эпоха потрясений*. М.
- Губанов С. 1999.** Цикличность – форма кризисности. *Экономист* 1.
- Долан Э. и др. 1991.** *Деньги, банки и кредитно-денежная политика*. М.
- Зомбарт В. 1924.** *Народное хозяйство Германии в XIX и начале XX веков*. М.
- Кейнс Дж. 1999.** *Общая теория занятости, процента и денег*. М.
- Кондратьев Н. Д. 1922.** *Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны*. Вологда: Обл. отд-е гос. изд-ва.
- Кондратьев Н. Д. 1989.** *Проблемы экономической динамики*. М.
- Кондратьев Н. Д. 1991.** *Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции*. М.
- Кондратьев Н. Д. 2002.** *Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения*. М.
- Линдси Б. 2008.** *Глобализация: повторение пройденного*. М.

¹⁶ Еще один новый термин Смирнова. – Прим. отв. ред.

- Лескюр Ж. 1908. *Общие и периодические промышленные кризисы*. СПб.
- Манту П. 1924. *Промышленная революция в Англии*. М.
- Мендельсон Л. 1949–1959. *Экономические кризисы и циклы в XIX в.* М.; Л.
- Меньшиков С. М., Клименко Л. А. 1989. *Длинные волны в экономике. Когда общество меняет кожу*. М.,
- Мировая экономика. Глобальные тенденции за 100 лет. М., 2003.
- Митчелл У. 1930. *Экономические циклы*. М.; Л.
- Полетаев А. В., Савельева И. М. 1993. *Циклы Кондратьева и развитие капитализма*. М.
- Рикардо Д. 1955. Предложения в пользу экономного и устойчивого денежного обращения. В: Рикардо Д., Соч.: в 5 т. М.
- Ротбард М. 2005. *История денежного обращения и банковского дела в США*. Челябинск.
- Самуэльсон П., Нордхаус В. 1997. *Экономика*. М.
- Смит А., Пети У., Рикардо Д. 1993. *Антология экономической классики: в 2 т.* М.
- Туган-Барановский М. И. 1914. *Периодические кризисы в промышленности Англии*. СПб.
- Туган-Барановский М. И. 1917. *Бумажные деньги и металл*. СПб.
- Туган-Барановский М. И. 1997. *Бумажные деньги и металлические. Деньги*. Киев.
- Туган-Барановский М. И. 2004. *Промышленные кризисы: очерки из социальной истории Англии*. Киев.
- Хаберлер Г. 2008. *Процветание и депрессия*. Челябинск.
- Хансен Э. 1959. *Экономические циклы и национальный доход*. М.
- Хансен Э. 2006. *Денежная теория и финансовая политика*. М.
- Хахтман Р. 2009. Исследователь для фюрера и народа. *Третий Рейх: расцвет и крах империи*. Белгород.
- Шумпетер Й. 2004. *История экономического анализа: в 3 т.* СПб.
- Feiler A. 1914. *Die Konjunktur-Periode 1907–1913 in Deutschland*. Jena: Fischer.
- Gattei G. 1989. Every 25 Years? Strike Waves and Long Economic Cycles. Paper Presented to the International Colloquium in Brussels.
- Kleinknecht A. 1987. *Innovation Patterns in Crisis and Prosperity*. London.
- Mensch G. 1979. *Stalemate in Technology*. Cambridge, Mass.
- Porter G. R. 1857. *The Progress of the Nation*. London.
- Rothbart M. 1984. The Kondratieff Cycle: Real or Fabricated? *Insights* 8–9.
- Schluter W. 1923. *The Pre-War Business Cycle 1907 to 1914*. New York.
- Schumpeter J. A. 1939. *Business Cycles*. McGraw-Hill Co. N. Y.
- Van Duijn J. J. 1983. *The Long Wave in Economic Life*. London.